

Евгений Малинин

ЧАС ЧЕРНОЙ ЗВЕЗДЫ

Евгений Малинин
Час Черной звезды
Серия «Волчья звезда», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181001
Час Черной звезды: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-34775-9*

Аннотация

В этом странном и страшном мире господствуют Многоликие – свирепые оборотни, а обычные люди считаются извергами, которые обязаны безропотно сносить бесправие, поборы и истязания. Древнее предсказание сулит гибель этому миру и предрекает приход Разрушителя. Не им ли суждено стать со временем молодому извержонку Вотше, жадно поглощающему новые знания, умело обращающемуся с оружием и решительно движущемуся по пути воина?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Евгений Малинин

Час Черной звезды

*Он – не рожок под пальцами судьбы,
Чтоб петь, смотря, какой откроют клапан...*
Шекспир. Гамлет

Пролог

Сорока, дважды кургузо подпрыгнув, сорвалась с нижней ветки дуба и метнулась к огромной куче хвороста, наваленной в глубине лесной чащи, под старой седой елью. Однако над самой кучей она вдруг истошно заверещала и, резко изменив направление полета, скрылась в ветвях старой березы, стоявшей метрах в четырех от кучи. Над лесной чащей снова повисла тишина, но спустя несколько секунд послышался слабый шорох, и из-под хвороста медленно выползла большая черная тень. Матерый волк на секунду замер, подняв к едва народившимся звездам седую морду, но вместо тоскливого полуночного воя неожиданно раздалось глухое неразборчивое ворчание:

– Час Волчьей звезды... В самом начале... Пора посмотреть, что делают изверги...

Волк опустил морду к земле и неторопливо потрусил в глубь леса. Через два десятка минут волк появился на опушке небольшой поляны, посреди которой стоял дом, срубленный из толстенных бревен. Как и несколько часов назад, когда волк обнаружил это жилье, три окна по фасаду дома бросали в ночь желтоватые отсветы масляной лампы, а четвертое, рядом с входной дверью, было темным. В нижней части углового освещенного окна можно было рассмотреть чуть покачивающуюся тень.

Волк неслышно прокрался к этому окну и, опершись на стену дома передними лапами, заглянул в него. Занавески были чуть раздернуты, и в эту небольшую щель он увидел, что за грубым самодельным столом сидит крупный мужчина... изверг... и что-то медленно хлебает из грубой деревянной чашки, прикусывая от большого ломтя темного хлеба. Изверг ел сосредоточенно, но не жадно, поднимая временами голову, словно слушая кого-то невидимого волку. Через несколько секунд стало ясно, кого он слушает. Мимо стола, за которым сидел изверг, прошла женщина... извергиня... с маленьким ребенком на руках. Волк сосредоточился, стараясь разобрать, о чем изверг разговаривает со своей прохаживающейся по комнате подругой... Окно по летнему времени было без второй рамы, так что острый волчий слух позволял хорошо расслышать весь разговор:

– ...нет, завтра останусь дома. Пару-тройку дней не буду никуда выходить...

– Почему?.. – удивилась в ответ извергиня. – Погоды стоят хорошие, самое время косить, а через пару-тройку дней могут и дожди зарядить – останемся без сена, чем скотину кормить будем?!

Изверг отодвинул чашку от себя, бросил в рот остаток горбушки, сосредоточенно прожевал, проглотил и только после этого ответил:

– Не останемся... Я эти дни потом наверстаю, а сейчас мне некоторое время надо побыть дома... – Он помолчал, побарабанил пальцами по столешнице, а затем, как бы нехотя, добавил: – Оборотень в нашем лесу появился.

Волк насторожился, его чутко подрагивавшие уши замерли, он стал похож на темное изваяние. Извергиня перестала ходить по комнате, и ее чуть дрогнувший голос переспросил:

– С чего ты взял?..

– Ни с чего, – усмехнулся изверг криво, – я просто их чую... Сегодня вечером возвращался с покоса и почуял – здесь он!

– Но в наших краях их уже давно не видели... Говорят, они только в крайском замке и остались, а замок обложен.

– Значит, плохо обложен... – начал изверг и вдруг замер на полуслове. Его голова стала медленно поворачиваться в сторону окна, но волк быстро опустился на землю и прижался всем телом к бревнам стены.

Послышался звук отодвигаемого стула, а затем голос изверга:

– Вот сейчас мне кажется, оборотень за нашим окном!..

– Ты что?! – В голосе извергини сквозило отчаянное недоверие. – Оборотень не может стоять под нашим окном, они же отлично чувствуют светлые клинки и сразу уходят!!!

– Уходят?! Сказки!.. – коротко бросил изверг, и волк почувствовал, что он сделал длинный, мягкий шаг в сторону выхода из комнаты... из дома. Едва различимая в звездном свете тень метнулась к противоположному углу дома, к входной двери, и замерла под настилом крыльца. А из дома донесся напряженный, звенящий голос извергини:

– Не ходи! Оборотень не пойдет к нам в дом, а ты не ходи на двор!

– Я не позволю шлаться по своему двору подлым перевертышам! – спокойно, даже чуть насмешливо ответил изверг. – Я прикончил их уже с десяток, прикончу и еще одного! И что мне может сделать оборотень, когда у меня в руке светлый клинок?!

– Не ходи!!! – вскрикнула извергиня высоким голосом, и в этом голосе вдруг просквозила истерика.

– Молчи! – рявкнул изверг. – И не мешай мне слушать ночь! Их в ночи очень хорошо слышно!

В доме скрипнула внутренняя дверь, и волк почувствовал, как огромное тело изверга грузно, но стремительно и тихо пересекло сени и замерло у входной двери... И еще он почувствовал кисловатый запах светлого клинка... Запах смерти!..

Все вокруг словно замерло. Ночь молчала. Звезды подмигивали из черноты неба, будто желая подсказать нечто важное застывшему под крыльцом волку, но не смели нарушить воцарившуюся тишину. Темные деревья замерли, запутав в своих ветвях все ветры Мира, чтобы те не могли шепнуть замершему перед входной дверью извергу, кто подстерегает его за порогом. Долгую минуту длилась эта тишина, выжидавшая, кто первым нарушит ее, кто первым не выдержит ее тяжести и сделает роковое движение, выдохнет опрометчивый хрип... Первым не выдержал... изверг!

Входная дверь неслышно... но это только извергу казалось, что неслышно!.. приоткрылась. В узкой, угольно-черной щели, словно призрак конца Мира, проплыл узкий, не слишком длинный светлый клинок. Щель чуть увеличилась, светлый клинок выплыл за порог дома, и под звездным светом появился кулак, сжимавший его рукоять. Прошло короткое мгновение, и за порог дома осторожно переступила нога изверга, а спустя еще секунду он сам застыл на крыльце. Его цепкие, с жестким прищуром глаза быстро обежали темный двор, останавливаясь на каждом подозрительном сгустке темноты. Клинок, выставленный вперед, караулил каждое постороннее движение, но вокруг все было неподвижным.

Волк, замерший под настилом крыльца до полной остановки дыхания, прикрыл глаза и сосредоточился на одной-единственной, столь необходимой сейчас мысли... на одном-единственном, столь необходимом сейчас действии – он осторожно тянул ниточку от своего разума к разуму изверга, чтобы попытаться отвлечь его, вернее, привлечь к... несуществующему! И через мгновение извергу вдруг показалось, что он уловил краем глаза короткое, резкое движение справа от себя, словно чуть более плотный, чем вся остальная ночь, комок темноты дернулся прочь от дома, к лесу, за пропадающие во мраке стволы... И замер!

Не сводя пристального взгляда с этого бесформенного сгустка темноты, изверг, осторожно переставляя ноги, спустился с крыльца на притоптанную траву двора и медленно двинулся вперед, неся перед собой матово светящийся клинок. Он успел сделать пять коротких шагов, когда на его спину беззвучно обрушилось мускулистое тело огромного хищника! Изверг, падая, еще попытался извернуться, ударить нападавшего своим страшным оружием, но мощные, всесокрушающие челюсти уже сомкнулись на его шее. Хищные клыки рвали кожу и мышцы, дробили позвонки, гасили разум, вырывали жизнь из большого, сильного тела!..

Светлый клинок выскочил из разжавшихся пальцев и отлетел в сторону, а волк, не обращая больше внимания ни на клинок, ни на дергающееся в агонии тело, бросился к входной двери и проскользнул внутрь дома.

В сенях было темно, пахло извержачьим теплом и... маленьким ребенком. А вот кислого запаха светлого клинка не было! Волк, бесшумно переставляя мощные лапы, прошел к двери, ведущей в горницу, и замер, прислушиваясь. За дверью, прямо за ее полотном, было слышно напряженное дыхание. Волк довольно ощерился и правой лапой толкнул незапертую дверь. Тяжелое, сбитое из толстых досок полотно медленно отворилось. Сразу за дверным проемом стояла извергиня, и ребенок все еще лежал у нее на руках. Увидев стоящего за дверью волка, извергиня, продолжая удерживать кулек с ребенком одной рукой, вскинула вторую к губам, словно стараясь поймать крик, рвущийся с губ, а волк, приспустив углы губ так, чтобы виднее были мощные, чуть желтоватые клыки и вымазанная кровью морда, шагнул вперед, через порог.

Извергиня, не сводя отчаянного взгляда со своего жуткого гостя, отпрянула назад, к столу, стоявшему у противоположной стены комнаты. Однако волк не спешил нападать, сделав по комнате пару шагов, он, казалось, внимательно изучал замершую перед ним женщину, словно не зная, как с ней поступить. Впрочем, раздумывал он недолго, остановившись посреди комнаты, волк повел головой чуть в сторону, и извергиня услышала тихий, нечленораздельный, но вполне понятный приказ:

– Положи извержонка!..

На лице женщины появилось недоумение, как будто она не ожидала услышать от волка человеческую речь, но это недоумение тут же сменилось еще большим ужасом. Ее глаза заматались по комнате, словно она искала место, где можно было бы спрятать кулек с ребенком, где страшный, беспощадный хищник не смог бы его достать, но волк снова заговорил, и на сей раз гораздо чище:

– Положи своего извержонка, я его не трону!

Взгляд извергини замер, упертый в волчью морду, а затем она, не отрывая зрачков от темных, зеленовато светящихся волчьих глаз, сделала короткий шаг в сторону и аккуратно положила сверток с ребенком на скамью.

Едва извергиня выпрямилась, как последовал новый жесткий приказ:

– Раздевайся!

Теперь уже обе женские руки взметнулись вверх и обхватили горло, а в глазах извергини заплескался совсем уж беспредельный ужас.

– Ты слышала приказ хозяина?! – Рык волка стал угрожающим, и хищник сделал еще один короткий шаг вперед.

Извергиня покачнулась, а затем ее глаза остекленели, потеряли осмысленное выражение, а пальцы начали судорожно рвать с тела платье. Через минуту она уже стояла перед зверем совершенно обнаженная, безвольно свесив руки вдоль тела.

– Повернись ко мне спиной!

Коротко переступив босыми ступнями, извергиня выполнила приказ, и в поле ее зрения попал маленький, чуть попискивающий сверток. В глазах женщины снова зажглось понимание... затем растерянность... затем страх...

В это время волк за ее спиной резко и совершенно бесшумно подпрыгнул, в самой высокой точке своего прыжка перевернулся через голову, и на пол опустились уже не волчьи лапы, а босые человеческие ноги.

Однако извергиня не слышала, как эти ноги коснулись дощатого пола, она продолжала смотреть на своего ребенка, с ужасом пытаясь понять, что же будет с ним через несколько минут. И в этот момент на ее шею сзади легла тяжелая мужская ладонь! Извергиня вздрогнула, но не двинулась с места, а сомкнувшая пальцы ладонь резко толкнула ее вперед и вниз, согнула в поясе, ударила грудью и животом о плохо оструганную столешницу, прижала к ней, вывернув лицо в сторону. Вторая, столь же тяжелая мужская рука завела ее левую руку за спину, так что ей стало невозможно пошевелиться, а затем стоявший позади нее мужчина...

Ее насиловали долго... очень долго... бесконечно долго... Плотно прижатая к шершавой, плохо оструганной столешнице, она терлась о нее щекой, грудью, животом, и крошечные занозы впивались ей под кожу, быстро ставшую бесчувственной. Извергиня кусала себе губы, давила свой стон... свои рыдания, чтобы не обозлить насильника, чтобы он забыл о маленьком попискивающем кулечке, лежащем на лавке!

Но он не забыл!

Когда оборотень наконец разжал свою хватку и отступил назад, когда ее тело безвольно сползло со стола и улеглось на нечистые доски пола, широко раскинув руки и поджав ноги, она услышала спокойный, чуть брезгливый голос:

– Теперь ты носишь в себе моего сына. Ты выносишь и родишь полуизверга, вернее, многоликого!.. И воспитаешь его, как свое собственное дитя! Смотри, не обижай его и не причиняй ему вреда. Я буду следить за тобой, и если с моим сыном что-нибудь случится, я убью твоего извержонка и заставлю тебя съесть его!.. Сырым! Можешь не рассказывать моему сыну о том, кто он, придет время, и он сам почувствует свою силу, он сам поймет, что ему делать дальше!.. Береги его!

Она не слышала, как оборотень вышел из ее дома, но легкий холодок, пробежавший по полу, по ее обнаженному, лишенному сил телу, дал ей понять, что она осталась одна.

Глава 1

И стоял час Вепря, и наступил час Волчьей звезды. Ночное небо было сплошь затянуто тучами, и на притихшую землю легла безлунная, беззвездная тьма. И тишина... Только редкие, жесткие порывы ветра несли с собой тревожный шепот листьев, да изредка коротко вскрикивала мелкая живность, попавшая в лапы ночному хищнику. Когда час Волчьей звезды набрал полную силу, во тьме, ставшей совершенно непроглядной, проклюнулся отдаленный топот копыт, и вместе с ним далеко-далеко тревожным, колеблющимся бликом промелькнул красноватый отблеск пылающего факела.

Один из двух стражников, стоявших в карауле у входа в обитель Матери всего сущего, чуть приподнялся на цыпочках и, убедившись, что это действительно приближающийся огонь, а не обман его усталых глаз, бросил быстрый взгляд на своего более опытного товарища. Тот, однако, продолжал стоять, не шевелясь, его совершенно не интересовал приближающийся топот копыт и разрывающий мрак ночи огонь. Несколько минут спустя внизу, на узкой каменистой дороге, остановилась странная низкая повозка, запряженная вороной парой и сопровождаемая двумя всадниками на черных лошадях. Всадники были с ног до головы укрыты черными плащами, один из них держал в высоко поднятой руке пылающий факел, а второй – длинное копьё с тяжелым, матово поблескивающим наконечником.

Несколько секунд эта группа была совершенно неподвижна, а затем тяжелый наконечник копья медленно опустился и ударил плащом в низкий бортик открытой повозки. Дерево отозвалось странным, глухим и в то же время каким-то жалобным звуком, и в тон ему прозвучал глухой, чуть надтреснутый голос:

– Выходи!

И снова несколько секунд ничего не происходило, только пламя факела металось из стороны в сторону в совершенно неподвижном воздухе, едва слышно потрескивая и выметывая в ночное небо яркие трепещущие искры. Затем медленно и неуклюже из повозки выбрался высокий мужчина. Спустившись на землю, он выпрямился и неторопливо поднял непокрытую голову... И тут стало видно, что глаза его завязаны плотной черной тканью, а запястья и лодыжки скованы тонкими, но, по всей видимости, прочными цепочками. Впрочем, цепочки были достаточной длины, чтобы не слишком стеснять его движения.

Мужчина повел головой из стороны в сторону, словно оглядывая завязанными глазами пропадающую в темноте местность, но это его движение тут же прервал глухой голос всадника:

– Поднимайся... Тропинка прямо перед тобой!..

Мгновение помедлив, мужчина уверенно шагнул вперед, точно на узкую, едва заметную в жесткой густой траве тропинку, избежавшую от дорожной петли, огибавшей скалистый выступ, к гулкому провалу пещеры, служившей входом в обитель Матери всего сущего.

Два-три мгновения фигура поднимавшегося мужчины еще мелькала в отблесках факельного пламени, а затем совершенно слилась с окружающей темнотой, и только редкий перестук скатывавшихся на дорогу камешков подсказывал, что восхождение продолжается. Часовой, тот, что был помоложе, замер у входа, подражая своему старшему товарищу и мысленно недоумевая, как человеку с завязанными глазами удастся продвигаться по этой крутой и узкой тропе. Десять минут спустя перед часовыми выросла высокая мужская фигура и, позвякивая цепочками ручных и ножных пут, шагнула к провалу пещеры. Часовые, как это было предписано, скрестили перед мужчиной свои копья, а голос, идущий из глубины пещеры гулко, с противным подвыванием произнес:

– Кто ты, потревоживший покой Матери всего сущего?

В ответ последовало молчание, словно мужчина с повязкой на глазах не услышал или не понял вопроса, но спустя несколько секунд последовал ответ:

– Я – Ратмир из стаи восточных волков, дважды посвященный Миру. – Голос отвечавшего был ровен и спокоен.

– Зачем ты тревожишь покой Матери всего сущего, дважды посвященный Миру Ратмир из стаи восточных волков? – донеслось из глубины пещеры.

– Я хочу, чтобы Мать всего сущего испытала меня!.. – на этот раз уже без паузы ответил Ратмир.

– Обратись к Миру явному и Миру тайному... – Голос, доносившийся из пещеры, стал глуше, словно произносивший положенные слова удалялся от входа. – Пусть тебя сначала испытают они!..

– Я уже обращался к Миру явному и Миру тайному, – не повышая голоса, отозвался дважды посвященный волхв. – Они испытали меня и посвятили в свои тайны. Теперь я хочу, чтобы Мать всего сущего испытала и посвятила меня. Это будет третье посвящение!..

И снова наступило короткое молчание, после которого из темного провала пещеры донеслось совсем уж далекое:

– Входи, дважды посвященный Миру Ратмир из стаи восточных волков, и помни – ты сам этого хотел!

Копья, скрещенные перед Ратмиром, сами собой разошлись в стороны, и он шагнул в темный провал пещеры мимо вытянувшихся в струнку стражников.

Несмотря на то что внутри пещеры царил абсолютная темнота и, кроме того, на глазах дважды посвященного волхва лежала плотная повязка, он отлично ощущал окружающее его пространство. Он чувствовал, что простор темного ночного неба остался за спиной, отрезанный от него каменным сводом пещеры. Он прекрасно понимал, что стены неровного, явно естественного происхождения, тоннеля быстро сближаются, превращая пещеру в узкий, хотя и вполне проходимый для сильного и ловкого мужчины, лаз. Он продвигался по этому лазу быстро и уверенно, словно был здесь уже не в первый раз... Проход в теле скалы начал постепенно уходить вниз, и движение Ратмира замедлилось – теперь надо было внимательно следить за тем, куда можно поставить ногу и за что ухватиться пальцами. Вскоре лаз, по которому он продвигался, стал практически вертикальным, так что его движение превратилось в медленное и осторожное сползание по скальной стене. И все-таки он без особого труда спустился до небольшой площадки, на которой можно было остановиться и оглядеться.

Ратмир развернулся, оперся спиной о стену, по которой только что спустился, и, сосредоточившись, попробовал определить дальнейшее направление движения.

Площадка, на которой он оказался, была дном довольно большого каменного мешка, из которого, казалось, не было никакого выхода, однако дважды посвященный волхв, не торопясь, очень внимательно «ощупывал» окружающее его пространство. Перед его внутренним взором проплывал неровно обколотый камень – темный гранит в чуть более светлых, словно вплавленных в его тело прожилках. Стены каменного мешка казались монолитными, без трещин и каверн, и только в одном месте из этого монолита выступала огромная каменная глыба, словно какой-то великан прислонил ее к стене пещеры и забыл забрать.

Ратмир шагнул к этой глыбе, на несколько секунд замер, словно прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, а затем крепко уперся ногами в пол и навалился на нее плечом. Несколько секунд ничего не происходило, но вдруг огромный камень медленно, словно бы неохотно сдвинулся с места и заскользил вдоль стены. Между стеной и откатывающимся камнем блеснула полоска света, а в следующее мгновение открылся довольно широкий проход в стене, освещенный ровным желтоватым светом.

Ратмир, оставив камень в покое, выпрямился, и в то же мгновение огромная каменная глыба медленно двинулась обратно на прежнее место. Однако дважды посвященный волхв уже шагнул в совсем короткий тоннель, ведущий в очень большую пещеру, освещенную масляными светильниками, укрепленными на стенах. Пройдя тоннель, Ратмир остановился на пороге пещеры и, не снимая повязки, огляделся. Голые каменные стены, поблескивающие неровными гранитными сколами, уходили высоко вверх, к слабо освещенному куполу. Пол пещеры был грубо выровнен и имел в самой середине зала небольшое возвышение в виде узкой и длинной плиты, верхняя грань которой была отполирована. Рядом с этим возвышением стоял резной каменный столик, а на нем – небольшая, вырезанная из темного камня чаша, до краев наполненная темно-коричневой жидкостью. У противоположной стены пещеры, прямо напротив входа, возвышалось довольно грубое... нет, скорее, примитивное изваяние – коленопреклоненная женщина, держащая в руках... волчонка. Изваяние это было настолько огромным, что его верхняя часть пропадала под самым куполом, так что голова каменной женщины, склоненная, словно бы под тяжестью этого купола, оказывалась прямо над каменным возвышением.

Чтобы рассмотреть убранство зала, Ратмиру хватило одной минуты, и как только он закончил этот осмотр, по залу прокатился шепот:

– Ты просил у Матери всего сущего испытания!.. Испей ее слезу, ложись на ее ложе и отдайся в ее власть, но помни – если ты не пройдешь этого испытания, твоя сущность прервется... навсегда!

Дважды посвященный волхв качнулся вперед, собираясь сделать первый шаг, но замер на несколько мгновений, словно сомневаясь в своем решении. Однако он быстро преодолел свое внезапное сомнение и... сделал этот первый шаг. А дальше было проще, как будто все напряжение, копившееся в нем все то время, которое он потратил, чтобы добраться до обители Матери всего сущего, вдруг оставило его. Необыкновенная легкость развернулась в его груди так, что даже его сосредоточенное, окаменевшее лицо вдруг оттаяло, и губы чуть раздвинулись в едва заметной улыбке.

Ратмир подошел к возвышению, одним движением распустил шнурок, удерживавший плащ у горла, и тот плавно упал к его ногам. Затем таким же коротким движением он сбросил с глаз повязку и уже въяве увидел зал обители Матери всего сущего. Но рассматривать этот зал он не стал. Опустившись на каменную плиту, он взял в руки каменную чашу и долгую минуту вглядывался в маслянисто поблескивающую темную жидкость. Затем он поднес чашу к лицу и мгновенно уловил давно знакомый запах.

«Вех!!! – мелькнуло в его голове, а затем мысль сформировалась четче. – Болотный вех!.. Смерть!!!»

В чаше плескался смертельный яд, который был назван слезами Матери всего сущего! Так вот в чем заключалось испытание третьего посвящения!

Рука Ратмира дрогнула, и в этот миг снова раздался шепот:

– Пей и ложись... И помни, если ты сможешь вернуться с той стороны Бытия, ты должен будешь предъявить материальное доказательство своего пребывания там... Материальное доказательство... – Шепот стих, а затем, словно отдаленное эхо, до ушей Ратмира донеслось едва различимо: – Материальное доказательство!..

Ратмир наклонился над тяжелой резной чашей и медленно испил до дна сладковатую темно-коричневую жидкость.

Затем он вытянулся на полированной, странно теплой поверхности каменного возвышения и расслабился.

С минуту ничего не происходило, только безразличное лицо огромной, высеченной из камня женщины нависало над ним, как некое обезличенное напоминание об оставшейся в прошлом жизни. А затем в его желудке незаметно возникло слабое жжение. Это жжение

начало медленно растекаться по всему телу, и оно странно деревенело, словно теряя влагу, отдавая распространявшемуся по жилам яду свои соки. И только рот вдруг наполнился горьковатой слюной, которую волхв никак не мог проглотить. А затем свет в незакрытых глазах Ратмира померк, и...

Он увидел собственное тело, лежащее на теплом камне, окруженном странным, чуть переливающимся ореолом. И тело это показалось ему вдруг совершенно чуждым, не имеющим никакого отношения к нему, к человеку по имени Ратмир, происходящему из стаи восточных волков. Оно медленно уходило вниз... вернее, он сам медленно поднимался вверх к каменному куполу пещеры, к... каменному лицу, безразлично рассматривающему распростертое под ним тело! Он отлично видел это лицо с едва намеченной переносицей, маленькими, тонко очерченными губами и едва намеченными узкими глазами. Оно надвигалось, наваливалось и наконец обрушилось на него уже бесформенной каменной глыбой. И все вокруг исчезло, осталась только непрозрачная желтовато-серая муть...

Именно в этот момент Ратмир наконец понял, что не ощущает своего тела! Он был... бестелесен. Дважды посвященный волхв машинально протянул руку... хотя никакой руки у него вроде бы и не было, и почувствовал странно приятную прохладу непроницаемой для взгляда мути. Он прислушался, но ни единого звука вокруг не улавливалось, только зрение продолжало служить ему безотказно. Он видел, как темнело все вокруг, как освещение, если оно было, медленно угасало, как постепенно его накрывала беспросветная мгла. Теперь уже он не ощущал окружающего пространства не только обычными человеческими органами чувств, но и другими своими свойствами, не раз выручавшая его натренированность тела почему-то не срабатывала... впрочем, тела-то как раз и не было.

Между тем пространство вокруг него окончательно потемнело, сделалось черным и странно вязким, и тем не менее он чувствовал, что его движение не остановилось, даже немного ускорилось. А спустя еще несколько минут он вдруг вырвался из окружавшей его черноты, и огромный, причудливо расцвеченный звездами мир объял его со всех сторон! Вот только звезды, окружавшие его, были непривычны, незнакомы.

Ратмир с удивлением озибался по сторонам, пытаясь хоть как-то сориентироваться в этом незнакомом пространстве, и в этот момент он услышал спокойный, чуть насмешливый женский голос:

– Ты молод, полон сил, по тебе не скажешь, что нить твоей жизни прервана насильственно... Как ты оказался на Звездной тропе?.. Что занесло тебя сюда?..

Ратмир ответил не раздумывая и сам удивился этому ответу, казалось, он давно и тщательно обдумал его:

– Я пришел на Звездную тропу по своему желанию и собираюсь вернуться, как только узнаю то, что мне необходимо!

– Вот как?.. – Спрашивающая женщина не удивлялась, скорее, в ее голосе еще усилилась насмешливая нотка: – Ты вернешься, как только... Ну-ну! Ты, верно, не знаешь, что Звездная тропа – скользкий путь, сойти вниз по ней легко, а вот подняться назад редко кому удается!..

Последовало молчание, словно ведущая разговор женщина ожидала какого-то ответа от своего гостя, но Ратмир не знал, что отвечать, и женский голос зазвучал снова:

– Однако вернемся к твоим делам... Ты просил об испытании, что ж, я испытаю тебя, но сначала ты должен поговорить с...

Тут голос неожиданно оборвался. Несколько минут дважды посвященного волхва окружала полная тишина, а затем зазвучал совершенно другой голос, мужской, сразу же показавшийся Ратмиру знакомым:

– Ты вырос, волчонок... Ты стал настоящим мужчиной... Но я не рад тебя видеть, ты пришел на Звездную тропу слишком рано, а значит, ты был не слишком ловок или не слишком осторожен... Кто и как тебя... убил?..

Несколько секунд Ратмир молчал, пытаясь вспомнить, кому принадлежит этот голос, а затем медленно проговорил:

– Меня никто не убивал, уважаемый... Я пришел на Звездную тропу добровольно, я хочу, чтобы Мать всего сущего испытала меня...

– Третье посвящение!.. – догадался его невидимый собеседник и задумчиво добавил: – Ты действительно вырос, волчонок!..

Последовало короткое молчание, а затем Ратмир осторожно, чтобы не попасть ненадолго в неудобное положение, спросил:

– Уважаемый, мне знаком твой голос, но я никак не могу вспомнить, где я мог его слышать?..

– Я покажу тебе, каким ты мог меня видеть... – неожиданно отозвался голос, и перед внутренним взором дважды посвященного волхва возникло призрачное, словно штриховой рисунок на стекле, лицо. Буйная, совершенно белая грива обрамляла высокий лоб, прорезанный глубокими морщинами, и переходила в столь же буйную белую бороду. Лицо со впалыми, в склеротических прожилках щеками выдавало глубокую старость, но темные, умные, с острым блеском глаза и воинственно изогнутый нос показывали все еще неукротимую внутреннюю энергию их обладателя.

Только секунду Ратмир вглядывался в это лицо, и память тут же подсказала ему:

«Вершитель!!! Вершитель Марк, предшественник теперешнего Вершителя Кануга!»

Ратмир видел его только раз, когда Марк, уже отошедший от дел и сдавший пост главы Совета посвященных своему преемнику, простился с младшими учениками университета перед своим отъездом на родину. Но дважды посвященный волхв до сих пор помнил это прощание и тяжелую, морщинистую руку бывшего Вершителя на своем плече!

– Ты меня вспомнил... – проговорил Марк, и в его голосе чувствовалось удовлетворение. – А теперь изложи мне... свою главную заботу.

И снова наступило короткое молчание, но теперь уже Ратмир придержал разговор, раздумывая, как ответить на, казалось бы, простой вопрос собеседника.

– Я нашел в своей стае маленького мальчика... извержонка... – начал он осторожно, словно ступил на тонкий лед. – Его зовут Вотша, и он правнук Вата, одного из наших самых знаменитых воинов. Вата лишили многоликости... – Тут Ратмир вздохнул и продолжил быстро, не раздумывая и не осторожничая более: – Вата лишили многоликости, потому что его любила моя сестра и потому что он мешал стать вожаком стаи моему брату, Всеславу, внуку прежнего вожака! Возможно, сначала именно поэтому меня заинтересовал извержонка, и я... заглянул в его будущее. Так я узнал, что этот маленький изверг может стать причиной гибели всего нашего Мира или средством возвеличивания приютившей его стаи. Я уговорил брата, вожака стаи восточных волков, забрать Вотшу в княжий замок и... приручить его, привязать к княжеской семье...

– Значит, волчонок, ты умеешь заглядывать в будущее... – перебил его Вершитель Марк и после короткой паузы спросил: – И ты решил использовать свое умение для возвеличивания родной стаи?..

– Нет... – не раздумывая, ответил Ратмир. – Это не главное, хотя я и не противился бы возвеличиванию родной стаи. Но главное – я хотел сохранить наш Мир... Может быть, он не слишком хорош, может быть, в нем много зла и несправедливости, но он наш, мы еще можем попробовать его исправить, сделать светлым и справедливым для... всех! Поэтому я решил... в какой-то мере... изолировать Вотшу от Мира, может быть, приручить его к Миру,

к моему Миру. Ведь если извержонка уничтожить сейчас, в наш Мир наверняка будет послан другой...

– Ты читал Первое Пророчество?... – снова перебил его Вершитель, и на этот раз в его голосе проклюнулась тревога. – Ты знаешь о... Разрушителе?!

– Н-е-е-т... – растерянно протянул Ратмир и после секундной паузы задумчиво добавил: – Так, значит, есть пророчество о... Разрушителе?..

– Есть, – ответил Марк, – и ты с ним познакомишься, если Мать всего сущего отпустит тебя обратно в Мир.

– Я надеюсь пройти ее испытание, – не слишком уверенно проговорил дважды посвященный волхв. – Правда, мне еще надо достать какое-то материальное подтверждение моего пребывания на Звездной тропе...

– Хм... – В этом междометии можно было почувствовать задумчивую иронию. – Материальное подтверждение твоего пребывания на Звездной тропе?.. Право, не знаю, что материальное можно найти на Звездной тропе?.. – Голос Вершителя на секунду замолк, а затем Марк вдруг проговорил с некоторой усмешкой: – Хотя, возможно, я смогу тебе помочь. Если ты вернешься в Мир, у тебя будет доказательство того, что ты побывал за гранью Бытия. Они должны будут вспомнить эту... Вещь!..

Ратмир не совсем понял, что имел в виду Вершитель, но переспрашивать не стал. Вместо этого он пробормотал:

– Я благодарю тебя за помощь, Вершитель Марк...

– Не надо его благодарить, – неожиданно раздался уже слышанный Ратмиром женский голос. – Он и должен был тебе помочь!

Затем последовала секундная пауза, и голос продолжил:

– Дважды посвященный Миру Ратмир, из стаи восточных волков, ты прошел мое испытание, ты смог доказать, что твои помыслы направлены на благо Мира, в котором ты обитаешь, а значит, ты достоин высшего посвящения. Однако задача, которую ты сам на себя возложил, усложнилась... Смотри!

В следующее мгновение охватившее Ратмира звездное небо исчезло, ему показалось, что он в облике ивача парит высоко над утренней землей, а под ним, по рассветной степи мчится бешеным аллюром вороной конь, неся на своей спине маленького, хрупкого всадника. Сначала Ратмир решил, что это скачет какая-то женщина, но высота его полета вдруг рывком уменьшилась, всадник приблизился, и волхв понял, что по степи скачет... мальчишка... нет, скорее юноша лет пятнадцати. Теперь он наблюдал эту скачку чуть ли не от самой земли, он видел и добротную одежду мальчишки, и меч у него на боку, и то, что никаких припасов у него с собой нет... Скоро этот странный всадник достиг опушки небольшой рощи и скрылся под кронами деревьев, а степь снова начала удаляться от Ратмира, как будто он поднимался вверх, к свежему безоблачному утреннему небу. Оказавшись на невозможной высоте, Ратмир окинул взглядом открывшееся перед ним пространство и далеко на северо-востоке увидел большой город. Серые стены замка вставали на высоком обрывистом берегу реки, а под ними раскинулось море домов, домиков, домишек, сараев... Что-то знакомое почудилось Ратмиру в этом нагромождении жилищ, обступивших высокие стены замка, но он не мог сразу вспомнить, что это за город.

Всего пару минут разворачивалось перед его внутренним взором это видение, а затем все исчезло, он опять оказался посреди темного пространства, расцвеченного мириадами разноцветных звезд. В то же мгновение снова зазвучал женский голос:

– А теперь, Ратмир, волк из стаи восточных волков, трижды посвященный Миру, возвращайся в свой мир! Я не буду тебя удерживать, но вернуться ты должен сам!.. Если сможешь.

Голос смолк, а Ратмира охватила паника – возвращаться в Мир! А каким образом он сможет это сделать?! Он ушел в небытие, выпив слезу Матери... выпив яд! Каким же образом можно изгнать из своего тела этот яд?! И возможно ли вообще восстановить свое отравленное тело?!

Впрочем, эта растерянность длилась всего несколько секунд, многолетняя психологическая тренировка и здесь помогла успокоиться и привести мысли в порядок. Ратмир в деталях представил свое тело, лежащее на полированном камне в обители Матери всего сущего. Он словно бы снова увидел его из-под купола пещеры, беспомощным, обездвиженным, лишенным жизненной энергии!.. Но одновременно с этим он вспомнил и то, как в степи, накрытый темной летней ночью, он впитывал всем этим, сейчас мертвым, телом бесконечную энергию живой Земли, как каждая мышца, каждая жилка его тела омывалась этой энергией, наполнялась ею, очищаясь от яда физического напряжения и напряжения страстей.

Ратмир настолько сосредоточился на этих мыслях, что не сразу заметил, как окружавшие его звезды начали тускнеть, истаявать, исчезать. Только когда на него навалилась сплошная чернота небытия, он вздрогнул и... открыл глаза.

Желтый свет светильников, освещавших обитель Матери всего сущего, потускнел так, что каменное лицо, смотревшее на него из-под самого купола, превратилось в плохо обработанный валун. А может быть, это было следствием того, что он никак не мог сфокусировать взгляд, и перед его глазами все расплывалось? Он снова опустил веки и тут же услышал обычную человеческую речь:

– Он, кажется, очнулся...

Голос говорившего был тих и наполнен внутренним напряжением.

– Еще рано... – ответил ему другой голос, более спокойный и уверенный. – Противоядие еще не набрало полную силу.

– Надеюсь, мы не опоздали... – произнес первый голос. – Во всяком случае, я думаю, его уже можно переносить в университет...

Ратмир снова открыл глаза.

Теперь он видел гораздо лучше, во всяком случае, черты каменного лица под куполом зала снова можно было разобрать. Волхв медленно повел глазами из стороны в сторону – обитель Матери всего сущего была пуста, но и голоса, только что им слышанные, явно не были галлюцинацией.

«Трижды посвященные... – мелькнула в голове Ратмира странно-посторонняя догадка. – Видимо, за мной следят и... собираются вернуть меня в университет... Они сами об этом сказали».

Ратмир снова прикрыл глаза и вдруг почувствовал облегчение – он понял, что ему удалось выйти из небытия, вернуться в свое тело и... яда в этом теле не было. Но в то же мгновение он вдруг понял, что означало видение, показанное ему Матерью всего сущего, – город, который он видел, находясь по ту сторону Бытия, был Край, столица его брата Всеслава, вожака стаи восточных волков... А скачущий в степи мальчишка – Вотша! Вотша сбежал от Всеслава!!!

Ратмир попытался было приподняться, но вдруг почувствовал на своей груди сухую прохладную ладонь и услышал знакомый голос своего наставника:

– Лежи, волк, ты еще не можешь вставать... Лежи!..

Он снова открыл глаза – около него по-прежнему никого не было.

Однако и прикосновение, и услышанная фраза как-то сразу успокоили его – он понял, что прошел третье посвящение, что стал членом Совета посвященных, и теперь его задача... Он вздрогнул... Его главная задача – вернуть Вотшу в стаю, тогда...

И тут Ратмир вдруг почувствовал, что в его зажатой левой ладони что-то есть, что-то некрупное, но твердое и тяжелое. Ратмир с трудом поднял руку и взглянул на разжатую

ладонь. В глаза ему ударил острый блеск крупного зеленого камня, оправленного в тусклый золотой обруч тяжелого перстня, охватывавшего его безымянный палец. Это было странно – когда он принимал отвар болотного веха, никакого перстня на его руке не было! Но как следует удивиться и обдумать случившееся у него просто не было сил. Он уронил на постель снова сжавшуюся в кулак руку, и глубокий, спокойный сон накрыл его темным, бессознательным одеялом.

Пробуждение Ратмира было самым обычным. Он ощутил свое тело, лежащее уже не на каменном ложе в обители Матери всего сущего, а в обычной постели, на спине, с раскинутыми руками. Прислушавшись к собственным ощущениям, он понял, что физически его тело в полном порядке. Затем волхв, не открывая глаз, попробовал вспомнить, что произошло с ним в покоях Матери всего сущего, однако подробности его путешествия по Звездной тропе ускользали, размывались... Единственное, что он помнил совершенно отчетливо, было окончание беседы с Вершителем Марком и... молодой изверг, скачущий на вороной лошади через утреннюю степь!

Едва эта яркая картина всплыла из глубины памяти, как его веки открылись, а сам он рывком сел на постели.

«Вотша сбежал из замка Всеслава! – резанула его сознание тревожная память. – Надо немедленно начать поиски извержонка, пока его не прибрал к рукам кто-то другой!»

И тут же другая, холодная, словно бы чужая, отстраненная мысль остановила его порыв:

«Немедленно не получится! Во-первых, надо уточнить, когда именно Вотша ускакал из замка!.. Во-вторых, Всеслав и сам, конечно, уже организовал поиски мальчишки, поэтому надо узнать, что эти поиски дали?! В-третьих... Впрочем, и первых двух условий достаточно, чтобы не пороть горячку».

Ратмир тряхнул головой, словно отгоняя свою тревогу, и огляделся. Его постель стояла в небольшой комнате, имевшей одно-единственное окно, в котором виднелось бледно-голубое небо. Встав с постели, волхв шагнул к окну и выглянул наружу.

На мгновение ему показалось, что это окно выходит прямо в необъятное, бескрайнее небо. Бледно-голубое сияние простиралось во все стороны, на сколько хватало взгляда, и только где-то невероятно далеко, в легкой белесой дымке, смыкалось с темной границей земли. В следующее мгновение Ратмир опустил взгляд и увидел внизу зелень университетского сада, четкую полосу каменной ограды, отделявшей университет от городских построек, и крыши... крыши... крыши... До самой городской стены, толстой змеей опоясывавшей город. Несколько секунд волхв внимательно разглядывал этот необычный вид, а затем, несмотря на всю его психологическую тренированность, в груди у него похолодело!..

«Башня Покоя!!!»

Эта догадка бросила Ратмира в дрожь – никто, никогда не говорил вслух о башне Покоя, никто, никогда даже не смотрел на нее, хотя она, самая высокая из университетских башен, возвышалась над комплексом университета грозным напоминанием о бренности всего сущего! Ратмир и сам не мог вспомнить, от кого он узнал о зловещей славе этой башни. С первых дней своего пребывания в университете он знал, что в эту башню заключаются только дважды посвященные Миру. Кто и за что их туда помещал, никто не ведал, но то, что никто из заключенных не выходил из этой башни даже после смерти, было известно всем. И вот теперь он сам попал в эту башню, попал после того, как прошел третье посвящение, побывал по ту сторону Бытия, беседовал с Матерью всего сущего... Или все это ему лишь привиделось?! А может быть, после того как он выпил настоем болотного веха, его переправили в башню Покоя, чтобы?..

«Что – чтобы?! – остановил сам себя Ратмир. – Я не сделал ничего такого, за что меня можно было бы заключить в башню Покоя... Я даже не знаю, что именно нужно для этого сделать!»

Он медленно отвернулся от окна и оглядел комнату... Только теперь он заметил, что в этой комнате не было... входной двери! Четыре глухие, выкрашенные в бледно-голубой цвет, стены были пугающе пусты и безлики, кровать, с которой он только что поднялся, располагалась посреди комнаты, а у противоположной стены притулился небольшой столик с простым прямым стулом. И только окно, около которого он стоял, делало эту комнату похожей на жилье, отличающееся от каземата в княжьем замке стольного города Края! Ратмир протянул руку и положил ладонь на поверхность оконного откоса, а затем, скользя ладонью по стене, медленно двинулся в обход комнаты.

Волхв трижды обошел комнату по периметру и ни разу не почувствовал хотя бы малейшего намека на щель, каверну или скрытый механизм в теле стены – все четыре стены были монолитны! Уронив руку, он секунду постоял неподвижно, а затем, подволакивая ноги, словно от невыносимой усталости, вернулся к кровати и присел на ее край. Думать не хотелось, внутри все застыло, Ратмир уставился пустым взглядом в пол и замер в полной неподвижности.

Он не заметил, как долго просидел в этой бездумной, бессмысленной неподвижности. Казалось, само Время замерло вместе с ним... И тут сквозь его отрешенность пробился негромкий, хорошо знакомый голос его наставника:

– Как ты себя чувствуешь, волк?..

Секунду Ратмир продолжал сидеть неподвижно, сдерживая взрыв негодования, а затем, подняв голову, холодно проговорил:

– Прежде чем я отвечу на твой вопрос... волк... ты мне скажешь, кто и зачем поместил меня в башню Покоя?!

Послышался слабый смехок, после чего трижды посвященный Остин довольно проговорил:

– Ну что ж, судя по твоим словам, ты находишься в нормальном состоянии. – И, вновь став серьезным, продолжил: – Что касается твоего вопроса... В башню Покоя тебя поместили потому, почему туда помещают любого прошедшего последнее испытание. Посуди сам – ты побывал по ту сторону Бытия, а далеко не каждый разум выдерживает такое испытание без некоторых... к-хм... изменений. Пока Совет посвященных не убедится, что последнее испытание не... повлияло на твою психику...

– И что мне нужно сделать, чтобы Совет убедился в том, что моя психика в порядке?!

Вопрос Ратмира прозвучал излишне резко, но Остин этому не удивился. Он продолжил разговор все в том же серьезном, но доброжелательном тоне:

– Тебе, волк, ничего не надо делать. Если твой разум в порядке, а я в этом уверен, ты скоро сможешь вернуться в свою Звездную башню или выбрать себе другие апартаменты по вкусу.

– Скоро?.. – уже спокойнее переспросил Ратмир. – И как скоро?

– Обычный срок карантина прошедших третье посвящение длится семь дней. Этого времени вполне достаточно, чтобы дефекты психики, если они возникли, могли проявиться. После этого трижды посвященный занимает свое место в Совете посвященных.

– Но тогда получается, – удивленно проговорил Ратмир, – что из башни Покоя... выйдут!..

– Конечно, – усмехнулся в ответ Остин.

– А как же?.. – Ратмир не договорил, но Остин понял его невысказанный вопрос.

– Ты имеешь в виду дурную славу башни?.. Эта слава создана специально, чтобы никому из любопытствующих юнцов не пришлось в голову беспокоить обитателей башни.

Всем поступившим в университет делается... к-хм... необходимое внушение. Ты ведь и сам не можешь вспомнить, кто именно поделился с тобой слухами об этой башне?!

– Понял... – медленно протянул Ратмир и тут же задал новый вопрос: – Так, значит, в башне, кроме меня, есть еще... насельцы?

– Есть, – подтвердил Остин. – И вот они уже до самой смерти не покинут ее.

– Понял... – повторил Ратмир. – И много их?

– Сейчас всего трое, – словно бы нехотя ответил Остин. – И все трое уже достаточно стары.

Последовала короткая пауза, а затем Остин продолжил совсем другим тоном:

– Но тебе думать о соседях будет некогда. В спинке твоей кровати имеется шкафчик, внутри ты найдешь копии Пророчеств трех первых Вершителей. Поскольку ты уже практически член Совета посвященных, тебе надо ознакомиться с ними, и... я уверен, они заставят тебя кое о чем задуматься, кое на что взглянуть иначе. Кроме того, ты должен очень хорошо вспомнить все, что привиделось, когда ты был по ту сторону Бытия, ведь тебе надо представить доказательства того, что ты там был!..

– Но мне сказали, что эти доказательства должны быть материальными, – удивленно произнес Ратмир. – Какое же значение могут иметь мои воспоминания?..

– Воспоминания тоже могут быть материальными, – усмехнулся в ответ Остин. – Особенно если они содержат ценную информацию. Только постарайся не припоминать ничего слишком уж... необычного – помни, Совет должен поверить, что ты эту информацию... или другие материальные доказательства... – в голосе Остина просквозила смешинка, – получил по ту сторону Бытия.

– У меня есть вполне материальное доказательство того, что я действительно был там, куда меня посылали, – пожал плечами Ратмир, однако его собеседник, похоже, не видел этого жеста, во всяком случае, его не слишком заинтересовало утверждение бывшего подопечного.

– Прекрасно. – В голосе Остина чувствовалось облегчение. – Значит, у нас одной заботы меньше! Не скучай... хотя, мне кажется, скучать тебе не дадут пророчества!

Ратмир, чувствуя, что разговор подходит к концу, быстро проговорил:

– Наставник, можно мне высказать просьбу?..

– Не надо называть меня наставником, волк, – с неожиданной грустинкой ответил Остин. – Ты теперь сам будешь для кого-то наставником. А насчет просьбы, говори, я буду рад выполнить ее.

– Уважаемый Остин, – после секундной паузы произнес Ратмир, – не сможешь ли ты сообщить моему брату, князю Всеславу, о том, что я прошу его приехать в университет, мне нужно срочно его видеть.

– Конечно, – тут же согласился трижды посвященный, – я сегодня же пошлю в Край гонца с твоей просьбой. Думаю, князь Всеслав не посмеет отказать члену Совета посвященных.

Ратмиру послышался короткий смешок, и разговор прервался.

Несколько секунд волхв продолжал сидеть на постели, слушая тишину, а затем встал и снова подошел к окну. Теперь этот вид с огромной высоты вдруг наполнился для него совсем другим смыслом, словно невидимые крылья развернулись за его спиной и он парил над Миром. Конечно, ощущение полета давно было знакомо ему, он не раз оборачивался и вачем и забирался высоко в небо, но на этот раз чувства, теснившиеся в его груди, были совершенно иными. Он вдруг почувал себя властелином этого Мира, его хозяином, его... Вершителем?.. И, поймав себя на этой мысли, Ратмир не испугался, что ее подслушает кто-то другой, он улыбнулся ей, как другу, вовремя пришедшему с помощью.

Улыбнувшись, Ратмир еще раз окинул взглядом открывающееся перед ним пространство, вздохнул и повернулся к кровати.

«Так где там у нас шкафчик с пророчествами?..»

Он сделал шаг в сторону задней спинки кровати и остановился, его приподнятое настроение вдруг исчезло, сметенное этим странным словом «пророчество».

Ратмир и сам обладал способностью предвидеть будущее, но он прекрасно понимал, что его дар предвидения слишком слаб, чтобы пытаться заглянуть в грядущее целого Мира. Он мог попробовать определить судьбу конкретного человека, но и в этом случае, как правило, ему открывалась только некая альтернатива и иногда условия ее реализации. Так было с тем же Вотшей. Ратмир до сих пор не мог ответить, почему он решил заглянуть в будущее этого маленького, никчемного извержонка, этой пылинки на пространстве Мира, но его внутреннее чутье не обмануло – извержонок оказался личностью, способной повлиять на Мир! А теперь Ратмиру предстояло узнать содержание пророчеств, касающихся судьбы целого Мира.

Он тряхнул головой, преодолевая охватившую его неуверенность, и шагнул к спинке кровати. На ее задней стенке действительно находилась дверца небольшого шкафчика. Ручки на этой дверце не было, но Ратмир знал, каким образом она открывается. Нажав на край дверцы, Ратмир повернул ее и обнаружил внутри открывшегося углубления небольшой тубус, обтянутый черной кожей. Раскрыв тубус, волхв достал из него шесть туго свернутых листков пергамента кремового цвета, тесно заполненных аккуратно выведенными коричневой тушью строками. Расправив листки, Ратмир взял первый из них и погрузился в чтение. Это были странные стихи, их ритм, странно чередующееся согласие строк были непривычны. Но чем больше Ратмир вчитывался в них, тем больше они его притягивали, завораживали и, наконец...

Время для него кончилось!!!

Мой кабинет, объятый темнотой,
Надежное убежище для дум.
Сюда нет доступа пустым страстям и склокам.
Он весь – окно, что смотрит на восток,
Туда, где будущего, наливаясь соком,
Уже проклюнулся росток!..

.....

...Причудлив Разум, как трава весной,
Что рвется ввысь, проклюнувшись в грязи.
Он горд, он дерзок, словно грозы в мае,
Себя венцом всего живого мнит,
А сам, как крыса, пыль хвостом взметая,
Несется через лабиринт...

.....

...Нарушится порядок и покой,
А разум станет подлости служить.
Брат брата под стальной клинок подставит,
И низок станет в Мире человек.
Вот так власть стаю надвое развалит —
На негодяев и калек!..

.....

Эту ночь Ратмир провел без сна, в его голове колокольным набатом звучали строки Первого пророчества. Он несколько раз прочитал все, что нашел в спинке кровати, и быстро понял, что Второе и Третье пророчества просто повторяют Первое, но при этом более запутанны, неясны, позволяют трактовать себя слишком широко. А вот Первое!..

Конечно, и в нем было много неясного и противоречивого, однако оно рождало в сознании точные, емкие образы Будущего... частично уже исполнившегося. Но самое главное заключалось в том, что Будущее, предсказанное Пророчеством, было... альтернативным! Любое из предсказаний Первого пророчества могло исполниться или... не исполниться – все зависело от выбора человечества. Это было и странно и... закономерно! Даже грядущий приход Разрушителя – существа, способного полностью уничтожить этот Мир, было предопределено путем развития цивилизации... Тем путем, на который, к сожалению, она давно уже встала! Но даже тогда, когда Разрушитель придет в Мир, у человечества оставалась возможность его остановить... если только большинство людей вовремя осознает опасность, угрожающую Миру, если только среди людей найдется кто-то, кто возьмет на себя задачу организации отпора, и если этот отпор будет правильно и достаточно жестко организован.

Единственное, что оставалось неясным трижды посвященному волхву, – когда Первое пророчество было составлено, действительно ли то, что он прочитал, является пророчеством или его автор просто пересказывал уже случившееся в Море?

Летняя ночь пролетела быстро, а когда в окне комнаты пропали звезды и ночное небо высветлилось приближающимся рассветом, Ратмир вдруг уловил чужую неуверенную мысль:

«Тут кто-то... есть?... Тут кто-то... есть!»

Последовало молчание, а когда Ратмир уже собрался отозваться, эта мысль снова проклюнулась, на этот раз уже более уверенно:

«Не прячься, я тебя чувствую. Ты в палате номер шесть, ты... новичок».

«Я не прячусь, – стараясь быть спокойным, отозвался Ратмир, – я действительно новичок».

Он уже понял, что к нему пробилась мысль одного из трех несчастных, обреченных провести остаток жизни в башне Покоя.

«Новичок, а прячешься! – В мысли незнакомца просквозило ликование. – Новичок должен быть общительным, должен искать кого-то, кто бы его утешил, ободрил!»

«Но меня не нужно утешать и ободрять», – все с тем же спокойствием ответил Ратмир.

«Нужно, нужно!.. – не согласился незнакомец. – Если тебя не утешить и не ободрить, ты скоро совсем свихнешься! Тебе ведь уже сказали, что твоя психика не в порядке, что твой разум поврежден?!»

«Нет, мне сказали...»

Но незнакомец быстро перебил Ратмира:

«Еще скажут, обязательно скажут! Мне тоже не сразу сказали, а потом... после... потом...»

Мысль вдруг стала вялой, растерянной, но Ратмира уже заинтересовал его странный «собеседник», он понял, что ему просто необходимо уяснить, каково это, пройти третье посвящение, достигнуть, казалось бы, вершины и неожиданно узнать, что вместо возделенной вершины ты оказался в пропасти! Вот только его собеседник, похоже, слишком быстро потерял интерес к завязавшемуся «разговору».

«Значит, ты можешь меня утешить и ободрить?» – быстро спросил он, уже не рассчитывая на ответ, но ответ пришел, хотя и был все таким же вялым.

«Ободрить могу... Утешить – нет...»

«Почему же ты не можешь меня утешить?» – удивился Ратмир.

«Как же можно тебя утешить, если тебе еще не сказали, что ты свихнулся?! – Собеседник Ратмира мысленно хмыкнул и закончил свою мысль: – Вот когда тебе скажут, что ты уже не член Совета посвященных... потому что ты недостаточно посвящен... вот тогда и придет время утешать!»

«И как же тогда ты собираешься меня ободрить?..» – Ратмир мысленно улыбнулся.

«Ободрить можно разными способами. – Мысль незнакомца наполнилась важностью и многозначительностью. – Все зависит от степени угнетенности ободряемого и от его ментальных особенностей. Так что способ ободрения ты можешь предложить сам!»

«В таком случае расскажи мне, что с тобой случилось... – после секундной паузы неожиданно попросил Ратмир и прибавил, словно бы в оправдание: – Возможно, меня это ободрит?»

Его собеседник мысленно хихикнул, а затем уже гораздо более заинтересованным тоном ответил:

«А ты хитер!.. Но ты и прав – то, что случилось с другими, многих ободряет... на противопоставлении!..»

Последовало молчание, но Ратмир чувствовал, что его собеседник остается на мысленной связи. Наконец, по прошествии минуты, он снова «заговорил»:

«Хорошо, я тебе расскажу свою историю, а если ты мне понравишься, может быть, и кое-что подскажу. Итак, я дважды посвященный Хор из стаи восточных полозов...»

«Но ведь такой стаи нет?!» – изумленно подумал Ратмир, однако эта его мысль была закрыта им от общения, а потому его собеседник ничего «не услышал» и спокойно продолжил рассказ:

«У меня был очень хороший наставник – трижды посвященный Кануг из стаи южных лис, так что, пройдя второе посвящение и имея такую поддержку, я, конечно же, решил готовиться к третьему посвящению...»

И снова рассказ незнакомца вызвал у Ратмира удивление.

«Кануг был его наставником?! Но Вершитель никогда не берет учеников... Или это было во времена Вершителя Марка?! А может быть, еще раньше?!»

Хор между тем продолжал:

«Правда, мой наставник меня предупреждал, что последнее испытание может стать для меня... непереносимым, однако я, наблюдая за некоторыми из членов Совета, сделал вывод, что они ни в чем меня не превосходят! Когда Совет открыл вакансию, я выставил свою кандидатуру».

Мысль прервалась резко, так, словно ее носитель внезапно потерял сознание. Ратмир подождал с минуту, а затем осторожно поинтересовался:

«И что же случилось?..»

«Я разговаривал с Матерью всего сущего!» – торжественно отозвался Хор и снова «замолчал», словно ожидая, что Ратмир изумится, однако тот с легкой насмешкой ответил:

«Я тоже разговаривал с Матерью всего сущего!.. И не только с ней!»

«А с кем же еще можно говорить за гранью Бытия?!» – с неожиданным высокомерием поинтересовался Хор.

«Не знаю, наверное, со многими... – спокойно откликнулся Ратмир и добавил: – Я, например, разговаривал с Вершителем Марком».

«С кем?!» – изумился Хор.

«С Вершителем Марком», – повторил Ратмир.

«Так это значит, что он...» – осторожно, словно ступая по тонкому, подтаявшему льду, подумал Хор, и Ратмир буквально физически почувствовал, как напряглась их мысленная

связь. И вдруг, словно бросаясь в полынью, его собеседник с каким-то безумным восторгом воскликнул:

«Значит, этот мерзавец сдох!!! Вершитель Марк сдох и ушел на ту сторону Бытия!!!»

«Мне кажется, полоз, ты недостойно говоришь о Вершителе Марке! – резко оборвал его восторг Ратмир, причем родовое стайное имя Хора он назвал оскорбительно, с нескрываемым презрением, предоставляя своему собеседнику право на вызов. Однако тот словно бы и не обратил внимания на это оскорбление.

«Это он, это Вершитель Марк отказал мне в доверии, когда я рассказал, о чем говорила со мной Мать всего сущего!!! Это он, мерзкий старикашка, настоял на том, чтобы Совет посвященных отказал мне в доверии, а затем и вовсе объявил меня сумасшедшим и заточил в этой башне!!! Ты меня поймешь, новичок, ты меня хорошо поймешь, когда просидишь в своей палате сто сорок шесть лет, глядя из окна на недоступный тебе Мир, если, конечно, до тех пор и в самом деле не сойдешь с ума!!! Но я-то не сошел!!! Нет, я очень хорошо помню, что они со мной сделали!!!»

Возможно, Хор мог бы еще долго изливать свою ненависть к Вершителю Марку и радоваться его смерти, но Ратмир перебил его:

«Выходит, что наш разговор не только ободрил меня, но и... утешил тебя?! – И тут же, не скрывая насмешки, поинтересовался: – Интересно, что такого рассказала тебе Мать всего сущего, если Вершитель Марк не поверил в реальность вашего разговора?!»

«Что рассказала?! – запальчиво переспросил Хор, и вдруг весь его запал пропал. Последовало молчание, а затем уже совсем другим, осторожным, даже подозрительным тоном он переспросил: – А зачем тебе это надо знать?..»

Несколько секунд Ратмир молчал, словно не зная, что ответить, после чего доверительным тоном подумал:

«Понимаешь, уважаемый Хор, я ведь с Матерью всего сущего почти и не говорил. Со мной беседовал Вершитель Марк, а Мать всего сущего... Она обещала испытать меня, но даже и этого испытания не было. После беседы с Вершителем она вдруг заявила, что я прошел испытание, и оставила меня...»

«То есть как это оставила?! – неожиданно удивился Хор. – А как же ты выбрался с той стороны Бытия?! Без помощи Матери всего сущего это сделать нельзя!»

«Как видишь – можно... – возразил Ратмир. – Во всяком случае, мне это удалось».

«Никому не говори об этом!.. – воскликнул Хор, и вдруг его мысль сделалась прерывистой, невнятной. – Тебе не поверят... не поверят, как не поверили мне... Тебя оставят здесь на двести лет, а потом, когда ты станешь стариком, отвезут на север к моржам и заморозят... И ты еще двести лет будешь лежать во льду, не дыша, не говоря, не слыша... И твой разум уснет в бесконечном холоде, а сердце замрет на полубиении и...»

Хор замолчал, и несколько долгих минут Ратмиру казалось, что их «разговор» оборвался навсегда, однако неожиданно до него донеслась тихая и удивительно спокойная мысль восточного полоза:

«Мать всего сущего сказала мне, что я не пройду третьего посвящения и буду заключен в башню Покоя. А через двести десять лет меня освободит из этой башни... Разрушитель...»

Ратмир на мгновение оцепенел – если поверить словам этого безумца, то получалось, что сама Мать всего сущего предсказала приход Разрушителя в Мир через... Сколько там осталось до «освобождения» Хора – шестьдесят четыре года! Это если Разрушитель сразу же займется башней Покоя, что вряд ли! А значит, он может появиться значительно раньше!

И тут до его разума дошла следующая мысль Хора:

«Правда, она после этих слов рассмеялась и добавила: „Но это в том случае, если Разрушителя не остановят... Тогда тебе придется провести в башне Покоя всю свою жизнь“».

«То есть его можно остановить!!!» – вспыхнуло в голове Ратмира, но он приглушил охватившую его радость – многое оставалось неясным, а главное, было непонятно, насколько можно доверять информации узника башни – не выдумал ли он все, чем поделился с новичком.

Выждав несколько секунд и убедившись, что Хор не намерен продолжать свой рассказ, Ратмир осторожно спросил:

«А Мать всего сущего не сообщила тебе, кто и каким образом может остановить Разрушителя?..»

«Нет... – немедленно отозвался Хор. – После этого она вновь рассмеялась... весело рассмеялась... и отправила меня обратно».

«Но почему Вершитель Марк решил заточить тебя в башне Покоя?..» – прикинулся Ратмир непонимающим.

И вдруг Хор весело захихикал. Ратмир даже растерялся, он ожидал совсем другой реакции – возмущения, ненависти к обидчику, но никак не веселья. Однако восточный полоз, продолжая хихикать, пояснил:

«Вершитель Марк сказал... не на заседании Совета, не тогда, когда решалась моя судьба. И меня объявляли ненормальным. Нет, уже позже, когда я отсидел в башне лет десять... Он сам пришел в мою палату и заявил, что был вынужден не засчитать мне третье посвящение и заключить меня в башню Покоя, чтобы... выполнить волю Матери всего сущего! Я же сам передал Совету ее слова о том, что должен быть заключен в башню!!!»

Снова до Ратмира донеслось мысленное хихиканье, а затем Хор добавил:

«Хитер был Вершитель Марк, ох, хитер!»

И в тот же момент хихиканье смолкло, а мысль Хора стала жесткой от ненависти:

«Но это не оправдывает ни Марка, ни его Совет! Я все помню и готовлю им свой счет! Свой счет... свою месть... свою...»

«Вершителю Марку ты уже не сможешь предъявить свой счет!.. – жестко оборвал его Ратмир. – И что ты сможешь сделать Совету, находясь в башне Покоя?! Забудь о мести, думай лучше о Матери всего сущего, о своей новой встрече с ней!..»

После этой отповеди волка мысль полоза стала нечеткой, дробленной, то ли он просто бессмысленно «кричал», то ли не мог достаточно четко сформулировать бушевавшие его чувства... Ратмир несколько секунд слушал эту бессвязную мысленную какофонию, а затем прервал ментальную связь.

Этот день прошел для Ратмира словно в тумане. Он подолгу стоял у окна, но не видел открывающейся перед его глазами дали, не слышал доносившегося снизу городского гула. Он поглощал какую-то еду, появлявшуюся непонятно как на маленьком столике, но не помнил вкуса этой еды и ее вида. Он неторопливо расхаживал от стены к стене по своей небольшой комнате, но не считал шагов, не замечал времени и не уставал.

Он думал. Думал о прочитанном в Первом пророчестве, о том, что ему рассказал странный, возможно, давно сошедший с ума, дважды посвященный Хор из несуществовавшей стаи восточных полозов. Ратмир размышлял о Море, в котором он жил, который он любил и который уже готов принять своего Разрушителя. Для трижды посвященного волхва было очевидно, что все условия появления Разрушителя, описанные в Первом пророчестве, налицо!!!

Но он понял и еще одно: Разрушителем мог быть только... изверг! Вряд ли существо, стоящее на вершине социальной пирамиды или очень близко к этой вершине, захочет разрушить эту пирамиду! Значит, желать и добиваться такого разрушения может только тот, кто лишен достойной жизни... В Море Ратмира это были изверги. Сейчас они неспособны подняться против доминирующей расы, против людей, против многогранных... Но тогда получается, что Разрушитель... Изверг-разрушитель... должен будет обладать некими

своеобразными качествами физического или психологического плана, чтобы иметь возможность противостоять многогранным?! Какими же должны быть эти качества?! Ответа на этот вопрос Ратмир не находил.

Тогда он попытался отыскать хоть какую-то ошибку в своих умозаключениях, взрастить хотя бы малейшую надежду на сохранение альтернативы появлению Разрушителя и всякий раз убеждался в непогрешимости собственных выводов. Ближе к вечеру, когда солнце, опускавшееся к горизонту, бросило на город огромную тень от башни Покоя, он окончательно убедился, что приход Разрушителя неизбежен. Значит, надо определить, кто может оказать ему сопротивление, а кто станет его пособником. Кто встанет на защиту существующего миропорядка, а кто бросится этот миропорядок уничтожать! Свою позицию Ратмир определил уже давно.

И тут он вспомнил давний разговор с братом, тот самый разговор, в котором принимала участие и жена Всеслава, Рогда. Вспомнил и усмехнулся, ведь именно тогда он утверждал, что стаи живут неправильно, что их жизненный уклад требует перемен!.. Оказалось, что он выступал совсем не за перемены, а за возврат к прежним ценностям, к прежнему образу жизни! Вот только тогда он еще не знал, насколько далеко ушли стаи по пути к собственному уничтожению, по пути к... Разрушителю!

А теперь?.. Теперь он прекрасно представлял сложившуюся в Мире ситуацию, более того, он понимал, что кроме него, пожалуй, никто из Совета посвященных до конца не осознает, на грани чего стоит их Мир, а значит, никто, включая и Вершителя, не готов организовать борьбу за сохранение этого Мира!

И снова к нему пришло понимание острой необходимости вернуть Вотшу в стаю восточных волков – только в этом случае оставалась надежда несколько отсрочить появление Разрушителя...

«Это, если таких, как Вотша, в нашем Мире больше нет...» – пришла к нему жесткая, холодная мысль, заставившая сжаться его сердце. И словно в ответ на эту мысль, в окно комнаты с темного ночного неба заглянул оранжевый глаз Волчьей звезды!

Ратмир долго смотрел на яркую оранжевую звезду, и эта искра, медленно перемещавшаяся по темному прямоугольнику окна, словно вливала в него новые силы, вымывала из души тревогу и сомнения. Спустя десяток минут трижды посвященный волхв сбросил с плеч пока еще темную хламиду, улегся на свою жесткую постель, закрыл глаза и спокойно заснул.

Это была первая ночь после третьего посвящения, которую он провел в полном покое и безмятежности.

Покой и безмятежность, подаренные ему Волчьей звездой, не оставили его и на следующий день. После утреннего омовения и легкого завтрака Ратмир снова вернулся к тексту Первого пророчества, но на это раз он не просто читал текст, отдаваясь его тяжелому, сложному ритму, он разбирал его по строчкам, по словам, по слогам, он искал и находил намеки и подсказки, пропущенные им ранее. Он изучал этот документ!

На третий день пребывания в башне Покоя у Ратмира появилась новая забота – перстень, который он обнаружил на своем пальце после возвращения к жизни в доме Матери всего сущего. В середине дня он вдруг снова почувствовал тяжесть этого перстня, повернутого на пальце камнем внутрь ладони. Разжав пальцы, он увидел, что камень, вправленный в перстень, буквально лучится зеленым светом, и в тот же момент ощутил едва уловимое ментальное воздействие... Кто-то невидимый явно пытался внушить ему нечто стороннее. Ратмир замер, пытаясь разобраться в своих ощущениях, и через секунду понял, что его незаметно клонит в сон. Поставив блок ментальной атаке, волхв встал из-за столика, подошел к постели, несколько секунд словно бы в сомнении смотрел на нее, а затем улегся и закрыл глаза, весь обратившись в слух.

Минут пять прошло в тишине, а затем послышался тихий шорох шагов. Судя по этому шороху, в комнату вошли двое – один направился к столику в углу, а второй подошел к постели и остановился, явно рассматривая спящего Ратмира.

Скрипнул стул, зашуршала бумага... снова наступила тишина, но через несколько секунд до слуха притворяющегося спящим волхва донесся тихий шепот:

– Господин, тут есть пометки, только я не понимаю...

– Тебе ничего не надо понимать... – перебил писца такой же тихий шепот, но гораздо более властный. – Просто скопируй текст и относящуюся к нему пометку... – Последовала секундная пауза, и тот же шепот добавил: – И поторопись, боюсь, его сон не слишком глубок!

Снова зашуршала бумага, потом быстро заскрипело перо.

«Интересно, кому это понадобились мои пометки, касающиеся Первого пророчества?..» – подумал Ратмир, и тут ему пришла в голову другая мысль. Едва слышно всхрипнув, он немного повернулся, словно бы укладываясь поудобнее, незаметно разжал правую ладонь и повернул ее в направлении стоявшего у кровати человека. Спустя десяток секунд он понял, что его незваный посетитель высок, худ и одет в белую хламиду. Это, без сомнения, был один из трижды посвященных! Ратмир не знал в лицо всех членов Совета посвященных, да и лицо своего «гостя» он различить не мог, его способности слеповидения распространялись только на форму и цвет объекта, но он постарался запомнить фигуру и рост «гостя», надеясь узнать его в будущем.

– Ну, скоро ты закончишь?! – раздался недовольный шепот трижды посвященного.

– Господин, пометок очень много, но я стараюсь работать быстро... – последовал едва слышный ответ писца.

– Плохо стараешься! – Шепот трижды посвященного стал чуть громче. Он повернулся в сторону Ратмира, и на плоском, чуть размытом белом пятне, видимом Ратмиром вместо лица, вдруг прорисовались темные, чуть прищуренные внимательные глаза.

– Этому волку удалось пройти третье посвящение... – Шепот трижды посвященного стал тише и спокойнее, он просто размышлял вслух, а Ратмир внимательно слушал эти размышления. – Он действительно талантлив, а значит, опасен. И его мысли... любые мысли... могут быть весьма полезны для меня... Волк молод, ему будет нужен... друг в Совете, почему бы этим другом не стать мне? Если наши мысли... высказанные мысли... совпадут, он вполне может проникнуться ко мне доверием, а там... А там поглядим...

– А кроме того, господин сможет использовать... развить соображения волка по поводу Первого пророчества при составлении собственного... пророчества! – льстиво поддакнул писец, не прерывая труда.

Трижды посвященный резко повернулся к своему клевету:

– Ты еще не закончил?! – Это был уже не шепот, а гневное шипение!

– Закончил, господин... – едва слышно отозвался писец. – Уже закончил...

– Тогда освободи это помещение от своего присутствия!..

Темная тень бесшумно метнулась от столика к стене и вдруг... растворилась в ней.

Трижды посвященный снова повернулся к Ратмиру, и тот опять увидел темные внимательные глаза. Последовал долгий молчаливый взгляд, а затем тихий шепот:

– Ну что ж, волк... Прощай до... Совета...

Закутанная в белое тень повернулась, медленно и бесшумно, словно призрак, поплыла прочь от постели Ратмира и тоже растворилась в стене. Спустя несколько минут Ратмир почувствовал, что ментальное воздействие на него ослабело, а затем и вовсе исчезло. Около получаса он продолжал притворяться спящим, а затем «проснулся». Потянувшись, он смахнул ладонями с лица «остатки сна» и встал с постели. Внимательно оглядевшись, он убедился, что никаких следов присутствия в его комнате незваных гостей не осталось, разве что

листки на столике сложены чуть иначе. Правда, заметить это можно было, только зная, что в комнате появлялись посторонние.

Ратмир подошел к окну и надолго задумался. Нет, его не занимала личность незваного гостя, этот интерес он отодвинул на второй план – незачем думать о том, что не представляет пока опасности, а сам посетитель рано или поздно себя обозначит. Сейчас Ратмира занимал перстень. Три дня он совершенно не ощущал его на своей руке, не ощущал до такой степени, что даже забыл о нем! И вот перстень сам напомнил о себе, причем напомнил, проявив странное свойство – определил и качественно обозначил ментальную атаку! Сейчас ему стало совершенно ясно, что, если бы перстень не предупредил его, он никогда не засек бы столь тонкое ментальное воздействие и, возможно, теперь спал бы самым натуральным сном, даже не подозревая о тайном посещении своей комнаты!

«Прежде всего надо понять, откуда он взялся на моем пальце?.. – подумал трижды посвященный волхв, и в тот же момент в его памяти возникли слова: „Если ты вернешься в Мир, у тебя будет доказательство того, что ты побывал за гранью Бытия...“ Эту фразу он слышал от Вершителя Марка, когда они беседовали на Звездной тропе, по ту сторону Бытия. И еще Марк сказал: „Они должны вспомнить эту вещь!..“

«Эту вещь! Так не перстень ли имел в виду Вершитель Марк?!»

Ратмир машинально сжал кулак, почувствовал округлость камня и, как ему показалось, легкое, приятное тепло... Ему вдруг стало легко и светло, как бывало в детстве, когда он еще не задумывался о своем будущем, а просто любил всех вокруг и все вокруг любили его – мальчишку, княжича!

«Нет! – неожиданно оборвал Ратмир сам себя. – Эта легкость, этот свет оттого, что у меня появился друг!.. Друг, который умеет многое, я даже представить себе пока не могу, что именно! Похоже, меня ожидает немало открытий! Но самое главное – „они должны вспомнить эту вещь!..“

Теперь он ясно понимал, кто именно должен будет вспомнить!

Три дня спустя, утром, когда Ратмир стоял у открытого окна, любясь открывающимся перед ним бескрайним простором, за его спиной раздался знакомый голос:

– Ну что, волк, не надоело тебе томиться здесь в одиночестве?..

Княжич быстро обернулся. Посреди комнаты, улыбаясь, стоял его бывший наставник, трижды посвященный Остин. Ратмир сделал шаг вперед и улыбнулся в ответ:

– Ждать несложно, если знаешь, чего и сколько надо ждать!..

– А вот ждать тебе больше и не нужно! – Остин чуть повернулся и указал рукой на противоположную окну стену комнаты. – Прошу за мной!

– Но мне положено находиться в изоляции не менее семи суток!.. – Ратмир внимательно посмотрел в глаза Остина. – А этот срок еще не прошел!

– Совет решил, что не имеет смысла и дальше держать тебя в башне Покоя. – Остин пожал плечами, словно бы говоря, что решение Совета посвященных лично ему вполне понятно. – Сейчас ты переберешься в новые апартаменты, а завтра предявишь Совету посвященных доказательства того, что ты побывал по ту сторону Бытия. Затем с тобой побеседует Вершитель – ты должен определить круг своих научных и общественных интересов, принять на себя, как члена Совета, решение определенных задач и проблем... Кстати, твой брат Всеслав уже два дня, как прибыл в Лютец и ожидает встречи с тобой.

По тону, которым была сказана последняя фраза, и легкой усмешке, промелькнувшей на губах Остина, Ратмир понял: Всеслав вне себя от того, что его не допустили к брату немедленно.

– Ну что ж, – кивнул Ратмир, – я готов последовать за тобой... уважаемый.

Уловив крошечную паузу перед последним словом, трижды посвященный снова легко улыбнулся: его подопечный и после третьего посвящения – после смерти и воскрешения – остался таким же, как прежде.

Остин снова двинулся к стене, и Ратмир последовал за ним, с интересом наблюдая, что же последует далее – он тщательно обследовал стены своей комнаты и был уверен, что никакого скрытого выхода в них нет. И вдруг по стене, к которой приближался Остин, пробежала легкая дымка, и в ее середине проступили контуры арки, а еще через мгновение арка обозначилась совершенно отчетливо, и в ней даже не было дверей!

Ратмир ошеломленно остановился, а его бывший наставник, словно бы ожидая подобной реакции, снова повернулся к нему.

– Не огорчайся, – мягко проговорил он, понимая состояние Ратмира. – Эту иллюзию создавали четверо трижды посвященных, так что даже тебе было не под силу ее раскусить.

Ратмир улыбнулся и молча кивнул.

Они долго спускались вниз по достаточно широкой винтовой лестнице – комната, в которой Ратмир провел шесть суток, находилась на самой вершине башни. Наконец трижды посвященный волхв увидел стражника Совета, стоявшего на карауле у закрытой двери. И только сейчас Ратмир вдруг понял: подсознательно он опасался, что останется в башне Покоя навсегда! Но стражник почтительно вытянулся, и перед Ратмиром распахнулась дверь, выпуская его из полумрака башни на залитый солнцем двор.

Следом за Остином он шагнул через порог и... замер, прикрыв глаза, насторожившись! Он вдруг ощутил обьявшую его дикую, необузданную Силу Земли, ощутил сейчас, в полдень, когда эта Сила никак не должна была себя проявлять, поскольку лившийся с неба солнечный свет давил ее, сковывал. И тут же до него дошло, что все время пребывания в башне Покоя он был отделен от этой животворной силы! Отделен!.. И даже не понимал, не ощущал этого!!!

Ратмир медленно повернулся, поднял руку и осторожно, словно боясь обжечься, провел кончиками пальцев по старому камню стены. Теперь он знал, почему башня носит такое странное имя!

– Быстро ты понял... – прозвучал за его спиной спокойный, даже чуть отрешенный голос Остина.

Ратмир обернулся и уперся взглядом в темные, немного печальные глаза бывшего наставника.

– Эти стены никогда не выпустят свою добычу... – Голос Остина был все так же спокоен, но глаза уже смотрели мимо Ратмира. – Ни один, даже самый умелый многоликий не справится с ними без Силы!.. А до Силы ему не добраться... Остается только... Покой!

Остин отвел Ратмира к дважды посвященному Хорту, управлявшему хозяйством университета, и княжич-волк удивился перемене, происшедшей в этом сухом высокомерном человеке, обычно разговаривавшем с ним так, словно он делал огромное одолжение! Увидев двоих трижды посвященных, входящих в его кабинет, Хорт выскочил из-за своего письменного стола и вдруг согнулся в глубоком поклоне. На его широком толстощеком лице появилась умильная улыбка, и только в небольших темных глазах притаилась прежняя расчетливая сухость.

– Чем могу быть полезным, уважаемые?! – проговорил управляющий, жестом приглашая членов Совета присаживаться в мягкие кресла с высокими спинками. Остин направился было к одному из кресел, однако Ратмир остановил его, сухо ответив хозяину кабинета:

– Я зашел к тебе, уважаемый Хорт, чтобы сообщить, что желал бы сохранить за собой свои прежние апартаменты в Звездной башне!

На лице Хорта промелькнула некоторая растерянность, он бросил быстрый взгляд в сторону Остина, однако тот отвел глаза, словно решение его бывшего подопечного было самым обычным.

– Но... – неуверенно протянул управляющий, – эти апартаменты не соответствуют положению, которое занимает трижды посвященный!.. Я взял на себя смелость подготовить для тебя, уважаемый Ратмир, апартаменты в башне Зверя. Это лучшие жилые комнаты из свободных сегодня, а в подвале башни имеется отлично оборудованная лаборатория!.. Если трижды посвященному по каким-либо причинам не подходит башня Зверя, можно в течение двух-трех часов навести порядок в апартаментах покинувшего нас трижды посвященного Рыкуна!..

Увидев, что Ратмир отрицательно покачал головой, Хорт быстро добавил:

– Может быть, трижды посвященный желает посмотреть весь перечень свободных помещений университета?! Естественно, тех помещений, которые соответствуют его высокому положению!..

И тут управляющий внезапно замолчал, словно его язык парализовало! Более того, вся его фигура вдруг застыла в невозможной неподвижности, казалось, что само дыхание его прервалось! Два черных зрачка, врезанных в темно-зеленую, чуть мерцающую радужную оболочку, буквально вонзились в его глаза, заставляя недвижно внимать низкому глухому голосу.

– Я всегда тщательно обдумываю то, что собираюсь сказать или сделать... если мне нужен чей-то совет, я его спрашиваю... А вот непрошенных советов мне не нужно, и если ты в будущем попробуешь мне их давать, высказывать свое мнение, пытаюсь меня переубедить, или обсуждать мои... просьбы!.. Я тебя... накажу!..

Последовала короткая пауза, во время которой Хорт вдруг почувствовал, как его горло сжала невидимая удавка, а затем Ратмир все тем же низким глухим голосом спросил:

– Ты все понял?..

Хорт кивнул и, словно опасаясь, что его кивок не заметят, натужно просипел перехваченным горлом:

– Да, господин...

Снова последовала короткая пауза, и Ратмир спокойно проговорил своим обычным голосом:

– Вот и хорошо, уважаемый Хорт. Надеюсь, двух часов тебе хватит, чтобы навести порядок в моих апартаментах?

– Да, господин.

Хорт снова поклонился, и на этот раз поклон был адресован одному Ратмиру.

– Вот и прекрасно, – подвел черту под разговором волк и повернулся было в сторону Остина, но его остановил дрожащий голос управляющего:

– Господин, можно спросить?..

Ратмир медленно обернулся и разрешил:

– Можно.

– Какие господин отдаст распоряжения по поводу прислуги?..

– На твое усмотрение, уважаемый Хорт... – пожал плечами трижды посвященный. – Постарайся только, чтобы ее было не слишком много и чтобы она была достаточно квалифицирована!

– Понял, господин!

Хорт снова поклонился, а Ратмир, словно бы и не замечая этого поклона, обратился к Остину:

– У меня появился еще один вопрос, но я думаю, мы сможем обсудить его в университетском парке, не отвлекая уважаемого Хорта от выполнения его обязанностей.

– Трижды посвященные могут полностью располагать моим кабинетом, – немедленно отозвался управляющий хозяйством. – Я вполне обойдусь...

И тут же замолчал, наткнувшись на внимательный взгляд Ратмира.

А тот снова повернулся к Остину, и трижды посвященный, не дожидаясь просьбы, направился к выходу из кабинета.

Ратмир еще раз внимательно посмотрел в глаза Хорта и вышел вслед за своим бывшим наставником.

Когда трижды посвященные удалились, Хорт медленно выдохнул и осторожно опустился в свое кресло. Ему, давно служившему в университете и прекрасно знавшему всех трижды посвященных, было ясно – в Совете посвященных появилась личность, с которой придется считаться всем... вплоть до самого Вершителя!

И на его лице медленно расцвела довольная улыбка.

«Хорошо, что я не успел приступить к перестройке Звездной башни!.. – подумал управляющий хозяйством университета. – Надо только проверить, не наследил ли трижды посвященный Тревор в апартаментах волка?!»

До университетского парка, раскинувшегося рядом со зданием ректората, Ратмир и Остин дошли в полном молчании. Княжич-волк шел, глубоко задумавшись, а его бывший наставник изредка поглядывал на своего воспитанника и едва заметно улыбался. Когда они вышли на аллею, обрамленную старыми липами, Остин покачал головой и негромко проговорил:

– И все-таки ты очень сильно изменился...

Ратмир бросил взгляд на трижды посвященного, но промолчал, а Остин, едва заметно вздохнув, спросил:

– Так какой же вопрос у тебя появился?..

– У покинувшего нас трижды посвященного Рыкуна, – неторопливо заговорил Ратмир, – были ученики. Каково их будущее?.. Смогут ли они и дальше продолжать обучение?

Несколько секунд Остин молчал, словно обдумывая заданный вопрос, а затем так же неторопливо ответил:

– Вообще-то, об этом говорить рано, но, уж коли ты сам заинтересовался судьбой этих ребят, я тебе скажу. Если ты войдешь в Совет посвященных... – Последовал короткий, быстрый взгляд, оценивающий реакцию собеседника на некоторое сомнение, вроде бы содержащееся в этих словах, а затем Остин продолжил: – То по сложившейся традиции ученики Рыкуна должны будут перейти под твою опеку. Правда, ты имеешь право в течение четырех недель отказаться от опеки над ними, и тогда их судьбу будет решать Совет... Возможно, кто-то из трижды посвященных захочет принять этих ребят под свою руку.

Остин на мгновение замолчал, хотя ответ и выглядел незаконченным, а Ратмир, воспользовавшись этой паузой, быстро переспросил:

– А много у Рыкуна было учеников?

– Всего двое, – ответил Остин и снова бросил взгляд на шагавшего рядом с ним Ратмира. – Рыкун не любил возиться с учениками.

– Когда я смогу с ними познакомиться? – поинтересовался Ратмир.

– Сразу после того, как ты станешь членом Совета.

Через два часа Ратмир, простившись с Остином, вошел в Звездную башню университета – свое постоянное место пребывания с тех, уже достаточно давних пор, как он прошел второе посвящение.

Медленно, словно заново знакомясь с башней, он обошел жилые помещения, спустился в подвал, где располагалась его лаборатория, обошел маленький огороженный дворик, в котором он так любил сидеть вечерами на каменной скамье и думать. Мебель и убранство комнат, оборудование, приборы и реактивы в лаборатории – все выглядело как обычно.

Казалось, ни один стул не был тронут со своего места с тех пор, как Ратмир покинул башню, отправляясь на последнее испытание третьего посвящения, хотя он прекрасно знал, что Хорт намеревался передать башню другому человеку и наверняка уже начал работы по ее переоборудованию. Да и тот любопытствующий трижды посвященный, что навестил его в башне Покоя, наверняка не обошел своим вниманием Звездную башню. Наконец Ратмир вошел в жилые помещения первого этажа, где раньше квартировали два ученика, готовившиеся к первому посвящению, а теперь должны были располагаться его слуги.

В прихожей никого не было, но в чуть приоткрытом шкафу волк заметил три одинаковых плаща. Толкнув дверь в комнату, он переступил порог и увидел трех мгновенно вскочивших из-за стола молодых ребят – двух извергов и одного многоликого, явно не посвященного. Один из извергов, Крат из стаи западных кабанов, и раньше служил у Ратмира, а вот двое других были ему незнакомы.

Пройдя на середину комнаты, Ратмир повернулся к Крату и приказал:

– В доме для приезжих остановился вожак стаи восточных волков Всеслав. Будь любезен, сходи к нему и передай, что я буду рад видеть его сегодня вечером, но не ранее часа вепря.

Крат молча поклонился и быстро направился к двери. Ратмир повернулся к двум оставшимся в комнате юношам и вдруг услышал за спиной негромкое:

– Я счастлив, господин!.. Поздравляю тебя!

Входная дверь чуть скрипнула, выпуская изверга, а губы Ратмира тронула едва заметная улыбка.

Однако трижды посвященный тут же стер ее и окинул внимательным взглядом стоящих перед ним молодцев.

Изверг был невысокого роста, можно сказать, приземист, длинные крепкие руки, спокойно висящие вдоль тела, оканчивались широкими, удивительно чистыми и даже какими-то пухлыми ладонями. Простоватое лицо изверга, усыпанное веснушками, также было чистым, с пухлыми щеками, толстыми, чуть приоткрытыми губами, крупным носом с тонкими чувствительными ноздрями и гладким высоким лбом. Ясные блекло-голубые глаза смотрели на Ратмира с той удивительной непосредственностью, с какой ребенок смотрит на взрослого, которому доверяет.

«Повар, – догадался Ратмир, – хотя и молод. Хотелось бы, конечно, кого-то поопытнее, но можно испытать и этого!»

Трижды посвященный волхв перевел взгляд на многогранного. Совсем молодой паренек едва доходил Ратмиру до плеча. Чуть раскосые глаза, черные, удивительно густые волосы и широкие скулы выдавали в нем южанина – на Севере тоже можно было найти похожий тип людей, но они не любили покидать свои земли. Лицо юноши было какое-то... острое – при широких скулах странно впалые щеки, длинный тонкий нос, небольшие тонкие губы. Светло-карие глаза были неуловимы – парень вроде бы смотрел в лицо Ратмиру, но при этом его взгляд ускользал, словно боялся выдать некую тайну. И руки у паренька были... беспокойные – то прятались за спину, то независимо упирались в бока, то, словно обессилев, обвисали вдоль тела, но пальцы при этом продолжали шевелиться, как будто что-то перетирая или ощупывая.

Ратмир насторожился, однако не выдал этого. Негромко, но с некоторой суровостью в голосе он спросил:

– Как вас зовут?..

– Хвост, – немедленно откликнулся многогранный. – Из стаи южных лис!

Веснушчатый изверг посмотрел на лиса, словно желая убедиться, что тот закончил представляться, и только затем неторопливо низким голосом проговорил:

– Пап*!*и*!*н, изверг из стаи западных оленей...

Ратмир помолчал, еще раз внимательно оглядел обоих парней, а затем обратился к извергу:

– Ты, Папин, можешь заняться своим делом – ужин на две персоны должен быть готов к часу вепря.

Он перевел взгляд на Хвоста, но Папин все тем же неторопливым тоном переспросил:

– Господин не уточнит, что именно подать на ужин?

Ратмир вопросительно поднял бровь, и Папин пояснил:

– Я еще не знаю вкусов господина, его гастрономических пристрастий...

– За столом будет двое волков, так что ты можешь исходить из этого факта... А вообще-то, в еде у меня никаких особых пристрастий нет, однако пища должна быть свежей и из отличных продуктов. Особенно вино!.. И имей в виду, что этот обед будет твоим испытанием!

– Понял, господин, – прогудел изверг и, немного неуклюже повернувшись, направился к выходу.

«Надеюсь, он знает свое дело... – с внутренней улыбкой подумал Ратмир, – и место расположения кухни».

Затем он снова повернулся к ожидавшему Хвосту.

– Хвост... Странное имя для многоликого... – Трижды посвященный специально употребил имя, придуманное многогранными извергами, и убедился, что это ничуть не возмутило южного лиса. – Неужели тебе дал это имя твой отец?!

– Нет... – быстро улыбнулся в ответ Хвост. – Мое родовое имя – Хворост, это уже здесь, в университете, меня так прозвали... Ну, вроде бы сократили мое настоящее имя.

– И давно ты в университете?..

– Второй год...

Бодрости в голосе Хвоста вдруг значительно поубавилось, и Ратмир понял, что разговор на эту тему парню не очень нравится. Однако он продолжил его:

– И чем же ты все это время занимался?

После этого вопроса Хвост совсем скис. Взгляд его уехал в сторону, словно на боковой стене он увидел что-то очень интересное, да и отвечать он уже не торопился. Однако Ратмир молчал, и потому отвечать лису пришлось:

– Год я отсидел на Скамье Познания, а потом меня... ну... это...

– Выгнали?.. – подсказал Ратмир.

Хвост кивнул и опустил глаза к полу.

– За что?!

Вопрос прозвучал настолько резко, что парень испуганно вскинул глаза и встретил жестко вопрошающий взгляд вдруг позеленевших глаз трижды посвященного волхва.

– За что?! – снова прогремел вопрос, и Хвост вдруг понял, что губы у трижды посвященного при этом оставались неподвижными. – Говори! Я все равно узнаю правду!

– Меня обвинили... что я... ну... сказали, будто я... ворую...

Последовала пауза, и Хвост вдруг ощутил, как напряжение, скрутившее его тело, опало. Следующий вопрос Ратмира прозвучал уже гораздо спокойнее:

– Сказали или... доказали?..

Хвост быстро покрутил головой:

– Только обвинили, доказать ничего не смогли!

– Тебя исключили из учеников только по подозрению?.. – удивился Ратмир.

Хвост кивнул и снова опустил глаза к полу.

– Значит, обвинявших было больше пяти... – констатировал Ратмир.

Хвост опять молча кивнул.

– Так обвинение было обоснованным? – проговорил Ратмир уже совсем спокойно, даже чуть насмешливо.

И снова последовал лишь молчаливый кивок, но чувствовалось, что Хвост несколько приободрился – раз Ратмир не прогнал его сразу, значит, надежда оставалась.

– Так... – Ратмир прошелся по комнате и опять остановился напротив опустившего голову юноши. – Тебе покровительствует... Вершитель?!

Вопрос был не случаен: Кануг, занимавший место руководителя Совета посвященных, тоже был из стаи южных лис. И хотя считалось, что трижды посвященные никак не связаны со стаями, в которых они родились, на деле такое покровительство не считалось серьезным нарушением этики.

Однако Хвост отрицательно помотал головой.

– Кто же тебя... пристроил в услужение к трижды посвященному?! – с нескрываемой насмешкой поинтересовался Ратмир.

Хвост едва заметно вздохнул и после крошечной паузы ответил:

– Дважды посвященный Хорт... Я не мог вернуться в стаю, после того как меня... Ну, вот... Господин Хорт предложил мне пойти в услужение к трижды посвященному... Он сказал, что трижды посвященный не будет интересоваться моим прошлым, а если я ему понравлюсь, то со временем он, может быть, возьмет меня в ученики...

– Но трижды посвященные не берут в ученики многоликих, не прошедших хотя бы первого посвящения!

– Господин Хорт сказал, что бывали исключения, только надо заслужить благодарность трижды посвященного!

Ратмир в раздумье еще раз прошелся по комнате, а затем, остановившись, неожиданно спросил:

– Почему твои обвинители не попытались поймать тебя с поличным?! Ведь можно было устроить тебе ловушку...

И тут физиономия Хвоста вдруг расплылась в нагловато-довольную ухмылку:

– Они пробовали меня ловить, и не один раз пробовали! Ха!.. Только у них ничего не получалось! И никогда бы не получилось!!!

– Однако какое-то доказательство у них все-таки было! – с напором проговорил Ратмир.

Хвост снова помрачнел и с нескрываемой злобой выдохнул:

– Они подкупили какого-то торговца и представили его ректору. Этот торговец заявил, что я расплатился в его лавке меченой монетой. Он даже описал метку, но не смог представить монету! Ее у него просто не было – я в его лавке никогда ничего не покупал! Но ректор учел эти показания... этот навет!!! И меня выгнали!

И тут вдруг на его физиономии снова появилась прежняя ухмылка:

– Только этот торгаш сильно пожалел о своей жадности.

– Да?! – деланно удивился Ратмир. – Это почему же?..

– Потому что через два дня у него вовсе не осталось монет! Представляешь, господин, у него в одну ночь выгребли все! И в лавке, и из дома! Он стал нищим!

И тут Хвост вдруг замолчал, словно вспомнив, с кем он разговаривает!

А Ратмир несколько секунд с интересом рассматривал юношу, а затем неожиданно произнес:

– Хорошо, ты можешь остаться!

Хвост поднял на трижды посвященного изумленные глаза, он, похоже, не верил услышанному. Ратмир усмехнулся и продолжил:

– Ты можешь остаться, но ты должен будешь выполнять следующие условия: не воровать – если я узнаю, что ты что-то украл, и не обязательно у меня, я тебя отдам под суд, и ты сам признаешься в этой краже!

Трижды посвященный волхв помолчал, давая лису время сообразить, что именно заставит его признаться. Когда Хвост понимающе кивнул, Ратмир продолжил:

– Если к тебе обратится дважды посвященный Хорт с требованием оказать ему услугу в благодарность за твое устройство в услужение, ты немедленно сообщишь об этом мне, независимо от того, какова именно будет эта услуга!

На этот раз кивок последовал немедленно.

– Поскольку повар и ближний слуга у меня уже есть, ты начнешь свою службу с разовых поручений и... с помощи в лаборатории. Ты ведь уже знаком с работой в лаборатории?..

– Да... господин, – отозвался Хвост хрипловатым от внутреннего волнения голосом и, чуть помедлив, добавил: – Спасибо, господин!

Оставшееся до встречи с братом время Ратмир потратил на купание, массаж, переодевание. Проверил он и работу своего нового повара.

Всеслав явился в самом начале часа Вепря. Крат провел его в кабинет Ратмира и вышел, плотно притворив за собой дверь. Ратмир молча указал брату на кресло, стоявшее около письменного стола, и, после того как брат расположился в нем, долго рассматривал вожака стаи восточных волков. Первым не выдержал затянувшееся молчание Всеслав. Кривовато ухмыльнувшись, он с легкой насмешкой проговорил:

– Ты, братец, я смотрю, стал очень важной фигурой – вожаку стаи приходится ждать двое суток, пока ты согласишься снизойти до встречи с ним...

Несмотря на спокойный голос и свободную, расслабленную позу Всеслава, Ратмир мгновенно понял, что тот едва сдерживает ярость.

– К сожалению, я не мог встретиться с тобой раньше, – негромко ответил он. – Я находился в... изоляции.

– В какой изоляции?! – удивленно переспросил Всеслав.

Снова последовала пауза, на этот раз не слишком долгая, как будто, прежде чем ответить брату, Ратмир оценивал, что именно ему имеет смысл рассказать. Наконец он, откинувшись в кресле, заговорил размеренным спокойным голосом:

– Пять суток назад я прошел последнее испытание третьего посвящения. После этого испытуемый изолируется от Мира в башне Покоя – Совету надо понять, не слишком ли исказилось его мировосприятие.

– То есть не сошел ли он с ума?! – уточнил Всеслав со своей привычной ухмылкой.

– Можно сказать и так, – согласился Ратмир.

– Ну, раз тебя из этой башни... Покоя выпустили, с рассудком у тебя должно быть все в порядке? – не то спросил, не то пошутил Всеслав.

– Все в порядке, – подтвердил Ратмир.

– Ну, тогда ты мне, надеюсь, можешь сообщить, для чего ты вызвал меня в Лютец, да еще так срочно. Посланник Совета буквально приказал мне явиться.

– Совет посвященных никому не приказывает, – спокойно возразил Ратмир. – Совет посвященных может только рекомендовать...

– Рекомендовать?! – Казалось, что это вполне нейтральное слово стало тем спусковым крючком, который освободил во Всеславе долго копившуюся ярость. – Да, ваш посланник выразился именно так – «Совет посвященных рекомендует вожаку стаи восточных волков немедленно прибыть в университет города Лютеца для встречи с трижды посвященным Ратмиром из стаи восточных волков». Только многие из моих волков, едва услышали эту речь, схватились за рукоятки мечей!!!

– Зачем?.. – самым спокойным тоном поинтересовался Ратмир.

– Что – зачем?! – не понял Всеслав.

– Зачем они схватились за рукоятки мечей? – уточнил Ратмир.

– Затем, чтобы смыть позор, нанесенный стае этим... Советом!!! – прорычал Всеслав.

- Ну и как?.. – снова коротко поинтересовался Ратмир.
- Что – ну и как?! – опять не понял Всеслав.
- Смыли?..

В этом уточнении прозвучала настолько нескрываемая издевка, что Всеслав буквально задохнулся. Вскочив с кресла, он принялся быстро ходить по кабинету, размахивая руками и выкрикивая:

– Нет, я остановил их, и это было благом для посланца Совета!!! Я решил сначала выяснить, что заставило тебя в такой неподобающей форме требовать моего приезда! Может быть, ты находишься при смерти, может быть, тебе угрожает какая-то опасность и нужна срочная помощь?! Но ты, как я убедился, вполне здоров и благополучен, вон, даже третье посвящение прошел. Так что, будь любезен, объясни мне эту самую «рекомендацию»!!!

Всеслав остановился как раз напротив сидевшего за столом Ратмира и уперся пылающим взглядом в темные глаза волхва. Несколько долгих секунд в кабинете висела напряженно звенящая тишина, а затем вожак стаи вдруг увидел, как глаза его брата стали менять свой цвет. Прошло не больше десяти секунд, и на Всеслава глядели немигающие, горящие зеленым светом волчьи глаза, прочеркнутые черной чечевицей зрачка. А затем он услышал тяжелую, показавшуюся ему мертвой мыслеречь:

«Где Вотша, Всеслав?!»

Вожак на ощупь, не отрывая взгляда от мерцающих волчьих глаз брата, опустил в свое кресло. Он слышал вопрос, но не до конца понял его, ему мешала бьющаяся в голове паническая мысль:

«Он же не перекинулся волком!!! Почему у него такие глаза?!»

Но на этот раз Ратмир не стал долго ждать ответа, он повторил, все тем же «мертвым» тоном, только гораздо напористее:

«Отвечай, где сейчас находится извержонок Вотша?!»

«Но... – растерянно начал Всеслав, автоматически переходя на обмен мыслями, – он...»

В этот момент ему наконец-то удалось оторвать взгляд от страшных глаз брата, и, опустив голову, он быстро подумал:

«Не знаю я, где твой извержонок!..»

«Я оставил в твоей стае мальчишку-извержонка. – Казалось, мыслеречь Ратмира стала еще более мертвой. – Я объяснил тебе, какое значение имеет этот извержонок для стаи и для всего нашего Мира! Я просил тебя о совсем немногом: сделать так, чтобы извержонок почувствовал себя в стае родным. И вот теперь ты мне заявляешь, что не знаешь, где находится мальчишка!!!»

«Я же сказал, что не знаю, где сейчас находится твой извержонок!!! – мысленно взвизгнул Всеслав, но теперь его мысль была полна не яростью, а истерикой.

«А что ты знаешь?!»

«Извержонок исчез в ночь после его поединка с Юсутом...» – начал Всеслав все тем же истеричным тоном.

«Так... – жестко задавил его неоконченную мысль Ратмир. – А теперь успокойся и рассказывай подробно – что за поединок, как проходил, чем закончился и когда обнаружилось, что Вотша исчез из замка?!»

Несколько мгновений Всеслав молчал, затем как-то судорожно вздохнул и вдруг почувствовал, что его напряжение улеглось. Правда, обычная уверенность в себе и выработавшееся с годами высокомерие не вернулись, но спокойно рассказать все, что произошло в крайском замке в тот достопамятный день, почти год назад, он уже мог.

«В конце прошлого лета ко мне в Край съехалось несколько вожakov из соседних стай, в том числе отцы всех ребят, воспитывавшихся в моем замке. Закончив дела, я, как водится,

решил устроить пир для всех моих гостей, а перед ним боевое состязание. Сейчас уже не помню, кто именно из вожаков предложил перед этим состязанием провести турнир мальчишек, обучавшихся в замке, а их было восемь человек – как раз четыре пары. Хотя... никто, в общем-то, не сомневался, что победит Юсут, сын Юмыта, вожака южных ирбисов. Так и получилось, хотя победа далась ему совсем не так просто, как надеялся его отец...»

На секунду Всеслав замолчал, словно припоминая события того дня, однако Ратмир мгновенно понял, что брат пытается как-то обойти не слишком приятные для него подробности, а потому жестко приказал:

«Рассказывай все!»

Всеслав вздрогнул, но поднять глаза на младшего брата не решился, а «заговорил» быстро, не продумывая мысль тщательно:

«По условиям поединка победитель должен был получить приз из рук княжны Лады... ну и... – Всеслав на секунду запнулся. – Ну и она должна была его поцеловать!...»

Он замолчал, словно ожидая реакции Ратмира на эти слова, но тот молчал, и вожак восточных волков продолжил:

«Вот только дочь моя очень не хотела целоваться с этим ирбисенком и, воспользовавшись правом хозяйки турнира, выставила своего бойца – Вотшу!»

«Извержонок владел оружием?!» – Мысль Ратмира была полна изумления.

«И как оказалось, весьма неплохо! – криво усмехнулся Всеслав. – На один удар Юсута он ответил двумя, а затем просто не стал добивать ирбиса, хотя имел на это полное право. Ну, тот вышел из себя от унижения – сам понимаешь, проиграть поединок какому-то извержонку на глазах отца, вожаков нескольких стай и Лады... Вот он и решил разделаться с Вотшей, повернувшись к Миру родовой гранью! Старый... если помнишь – один из моих дружинников... он проводил турнир, остановил бросок Юсута на Вотшу и объявил ирбиса проигравшим, поскольку тот, как ты сам понимаешь, откинул оружие в сторону! Приз вручили Вотше, да к тому же Лада его еще и поцеловала!!!»

Всеслав замолчал, словно последние мысли дались ему ценой большого напряжения, а затем с новой усмешкой продолжил:

«Мои волки были очень довольны тем, что какой-то извержонок из волчьей стаи смог одолеть княжича-ирбиса, а вот Юмыт посчитал это страшным оскорблением! Ты бы слышал, что он предлагал сделать с „вонючим извергом“, посмеявшимся поднять оружие на его сына. В общем, он потребовал выдать Вотшу ему, только на этом условии он соглашался остаться моим союзником на юге».

«И ты?!» – мысленный вопрос Ратмира был приглушен, но от того напряжения, которым он был наполнен, по спине Всеслава пробежал противный липкий холод, а под ложечкой защемило, словно он выпил прокисшего вина.

«Нет! – с излишней торопливостью ответил он. – Я не отдал ему Вотшу, я... я решил, что извержонок вообще ни в чем не виноват – он точно следовал условиям схватки, а отказаться от поручения княжны он не мог, ведь он был ее пажом...»

«Вотша был пажом княжны?!» – снова удивился Ратмир, но на этот раз его удивление было достаточно сдержанным.

«Да... – как-то нехотя подтвердил сказанное Всеслав и тут же добавил: – Но ему оставалось находиться в этом качестве совсем недолго – я уже определил его помощником к своему книжнику Вогнару».

«Так что же произошло дальше?!» – потребовал Ратмир.

«Да, в общем-то, на этом все и кончилось. Чтобы успокоить Юмыта, я пообещал бросить Вотшу в подвал замка... Навсегда... Но когда его стали искать, оказалось, что он исчез. На следующее утро выяснилось, что извержонок каким-то образом ушел из замка, взял в городской конюшне лошадь, заявив, что выполняет мое поручение, и ускакал в степь.

Погоня, посланная мной, отловила брошенного извержонком коня на берегу Десыни верстах в сорока от Края, а самого извержонка так и не нашли».

«А искали?..» – неожиданно спокойным, «ожившим» тоном поинтересовался Ратмир.

«Да, разъезды обыскивали все извержачьи деревни, проверяли все дороги, четыре дружинника, обернувшись ивачами, облетели всю округу – извержонка нигде не было!»

Всеслав замолчал, но через пару секунд выдохнул с неожиданной злобой:

«Да утонул твой извержонок, и раки его давно съели!!!»

Забывшись, он вскинул взгляд и снова уперся в волчьи, горящие зеленым светом глаза на безразличном человеческом лице. А в следующее мгновение его сердце остановилось, сжатое мягкой, но беспощадной лапой.

«Нет... вожак, мой извержонок не утонул, и ты его найдешь! Найдешь и привезешь его сюда, в Лютец, в университет, в Звездную башню! Теперь у меня достаточно силы и власти, чтобы оградить Вотшу от чужого воздействия!!! А если ты этого не сделаешь, то!..»

И мягкая лапа сжалась чуть сильнее. В глазах у Всеслава потемнело, язык стал сухим и шершавым, но, преодолевая накатывающийся обморок, он прохрипел:

– Нет!!! Ты этого не сделаешь!!! Я вожак твоей стаи... я твой брат!!!

«Я – трижды посвященный волхв или, как нас называют здесь, на Западе, – истинный друид. – Мысль Ратмира была холодна и чиста, как ледниковая вода. – У истинного друида нет стаи, так что вожаки мне не указ. У истинного друида нет братьев, кроме тех, кто входит в Совет посвященных! Если ты не сделаешь то, что я говорю, в стае восточных волков будет новый вожак, и это будет не твой сын! Ты меня понял, Всеслав?!»

Вожак смог только прохрипеть в ответ что-то нечленораздельное, глаза его закатились, и он потерял сознание.

Очнулся Всеслав в затемненной комнате. Едва он открыл глаза, как дверь отворилась, и в светлом проеме появилась высокая, одетая в светлую хламиду фигура.

– Ты проснулся, брат?.. – раздался тихий, чуть встревоженный голос Ратмира, и Всеслав мгновенно вспомнил, что он пришел к брату в Звездную башню, что они говорили о чем-то важном... но вот о чем?!

– Всеслав!.. – снова негромко позвал Ратмир, и вожак восточных волков вынужден был откликнуться:

– Да, Ратмир, я проснулся...

– Ну и хорошо! – с явным облегчением в голосе воскликнул волхв. – А то я уже собрался отменять обед!

– Какой обед?! – удивился Всеслав, приподнимаясь на подложенных под спину подушках.

– Как – какой?! – в свою очередь удивился Ратмир. – Мы же за стол собирались садиться, и вдруг ты захотел прилечь на полчаса, сказал, что всю предыдущую ночь не спал, пировал с вожаком северных тюленей!

Всеслав напряг память. Он действительно встретил в университете Ольстова, вожака северных тюленей, приехавшего провести своего младшего сына, выбравшего путь посвящения. Но, во-первых, он не помнил, чтобы они пировали, а во-вторых, он не говорил об этой встрече Ратмиру... Или говорил?.. Ведь откуда-то брат узнал о ней!..

– Так мы будем обедать? – чуть настойчивее поинтересовался Ратмир. – Или ты еще подремлешь?!

Нет, Всеслав дремать не хотел, а вот пообедать?.. Он вдруг почувствовал, что действительно проголодался... Да нет – он просто зверски голоден!

Вскочив на ноги, он воскликнул:

– Ну что ж, посмотрим, каков повар у трижды посвященного волхва!

Папин, словно понимая, что от этого обеда зависит его будущее, постарался. Всеслав встречал каждое блюдо с некоторым недоверием, просто потому, что не мог угадать, из чего оно сделано, а отведав, приходил в восторг. Ратмир ел, как всегда, очень мало, но довольно улыбался, видя, с каким аппетитом брат поглощает стряпню его нового повара.

Обед закончился довольно поздно. Всеслав ошеломлен от съеденного и выпитого, он требовал, чтобы Ратмир уступил ему своего повара, поскольку все равно ничего не понимает в искусстве гастрономии, да и ест неподобающе мало. Трижды посвященный в ответ только улыбался странной, блеклой улыбкой, казалось, он очень устал, но взгляд его был остр и внимателен.

Наконец Всеслав ушел в дом для гостей, а Ратмир вызвал Папина. Когда неуклюжий изверг появился на пороге его кабинета, трижды посвященный поднял голову от какого-то документа, лежащего на столе, и негромко произнес:

– Я доволен тобой, так что можешь считать, испытание ты выдержал!

И кивком отпустил повара.

Тот, потоптавшись на месте, коряво поклонился и прогудел:

– Спасибо, господин... Я буду стараться.

Всеслав не помнил, как он добрался до своих апартаментов в доме для гостей, не помнил, кто из дружинников его раздел и уложил в постель. В голове его бродил хмель, в висках несильно, но настойчиво ломило. Он старался что-то припомнить, хотя и сам не понимал, что именно. Оказавшись в постели, вожак мгновенно провалился в темный, беспробудный сон, но часа через четыре, когда ночь добивала час Волчьей звезды, из мрака, стоявшего перед его закрытыми глазами, выплыли пылающие зеленым светом волчьи глаза, и «мертвый» голос Ратмира произнес:

– Вспомнил?!

Всеслав рывком сел на кровати, он все вспомнил!!! И разговор в кабинете своего трижды посвященного брата, и то, чем этот разговор закончился. Вскочив с постели, он разбудил сопровождавших его дружинников и велел немедленно готовиться к отъезду. Спустя два часа из ворот университета выехали шестеро всадников – вожак стаи восточных волков и его свита возвращались в стольный город Край, возвращались выполнять требование трижды посвященного волхва!

Утром следующего дня в малом зале Совета собрались все четырнадцать трижды посвященных. Ратмир уже был однажды в этом зале, в тот день, когда бывший волхв стаи восточных рысей за попытку захватить власть в стае был осужден Советом на изгнание и стал первым изгоем. В зале, как обычно, был приглушен свет, и расположившиеся в своих креслах трижды посвященные были неразличимы, а пустое кресло члена Совета, в черед одетых в белые хламиды безликих людей, выглядело сиротливо. Ратмир, сидя в поставленном отдельно кресле и оглядывая собравшихся, гадал: кто из них проник в его комнату в башне Покоя, кто пытался разобраться в его исследованиях Первого пророчества?!

Наконец появился Вершитель. Заняв свое место в центре полукруга кресел, Кануг заговорил на мыслеречи:

«Уважаемые, сегодня мы собрались только для того, чтобы выслушать Ратмира из стаи восточных волков. Он прошел третье, последнее испытание третьего посвящения, и, если мы сочтем представленные им доказательства его пребывания по ту сторону Бытия достаточными, он займет место среди нас. Возможно, у кого-то из вас имеется что сказать, перед тем как Ратмир представит свои доказательства?!»

И тут же по залу прошелестела непонятно чья мысль:

«Надеюсь, уважаемый Ратмир помнит, что согласно закону и обычаям доказательство его пребывания по ту сторону Бытия должно быть... материальным?..»

«Но информация, полученная испытуемым во время испытания, всегда считалась материальной!..» – немедленно возразил другой член Совета, и Ратмир догадался, что это его бывший наставник, трижды посвященный Остин.

«Похоже, еще до моего сообщения тут готовы разгореться нешуточные споры!..» – с усмешкой подумал про себя Ратмир, и, словно подслушав его мысль, Вершитель вмешался в молчаливый спор:

«Вряд ли стоит сомневаться в том, что Ратмир знает закон и обычаи, и в том, что он имеет право представить в качестве материального доказательства полученную им информацию!»

В зале воцарилась тишина, и после короткой паузы Кануг добавил:

«Если никто не хочет предварить сообщение соискателя, пусть соискатель представит доказательство пребывания по ту сторону Бытия».

Ратмир заметил, как Вершитель откинулся на спинку кресла, словно приготавливаясь слушать длинную речь.

Еще раз внутренне усмехнувшись, он начал «говорить»:

«Уважаемые члены Совета посвященных, я буду краток. По закону и обычаям я должен был принести материальное подтверждение тому, что мне удалось побывать по ту сторону Бытия, я принес именно такое доказательство – вот оно!»

Он вытянул вперед левую руку. На безымянном пальце вспыхнула яркая зеленая искорка. Но светился не только камень, золотой ободок перстня тоже матово отсвечивал, словно в затемненном помещении нашлось достаточно света, чтобы сосредоточиться на отполированном желтом металле и отразиться от него.

Несколько секунд в малом зале Совета висела абсолютная тишина, но Ратмир чувствовал, как в полумраке зала растет и копится напряжение... И наконец оно прорвалось – по залу молнией хлестнула чья-то почти истеричная мысль:

«Око Знания!!!»

И снова воцарилась тишина, но на этот раз это была тишина потрясения. А затем в сумраке зала возникла другая, сдержанная, осторожная мысль, принадлежащая Вершителю:

«Откуда у тебя эта вещь, уважаемый Ратмир?..»

«Мне подарил ее прежний владелец», – спокойно ответил волк.

«Но ее прежний владелец давно покинул этот мир и... унес ее с собой!» – осторожно, словно боясь обидеть Ратмира, возразил Кануг.

«Я знаю это, – согласился княжич-волк. – Я встретил Вершителя Марка по ту сторону Бытия и говорил с ним! Он и отдал мне перстень».

«О чем вы с ним говорили?..» – все тем же осторожным тоном поинтересовался Кануг.

Прежде чем ответить, Ратмир секунду подумал.

«Вершитель Марк вспомнил меня, хотя видел всего один раз. Узнав, что я пришел на Звездную тропу, поскольку прохожу третье посвящение, он попросил рассказать о моей главной заботе. После того как я рассказал ему требуемое и попросил его дать мне какое-нибудь материальное свидетельство моего пребывания за гранью Бытия, Вершитель Марк пообещал мне, что, если я смогу вернуться в Мир, у меня будет такое материальное подтверждение. Вот его слова: „Они должны будут вспомнить эту Вещь!“ Когда я снова очнулся в обители Матери всего сущего, на моем пальце был этот перстень».

За этим коротким рассказом последовало долгое молчание присутствующих, которое в конце концов нарушил Вершитель Кануг:

«Прошу трижды посвященных высказывать свое мнение – можем ли мы считать, что представленное Ратмиром из стаи восточных волков доказательство его пребывания за гранью Бытия убедительно и достаточно?!»

И снова наступило молчание, но спустя несколько секунд по залу прошелестела первая ответная мысль:

«Можем...»

Прошла еще секунда, и снова в зале возникло беззвучное:

«Можем...»

Еще секунда:

«Можем...»

Секунда:

«Можем...»

Потом три секунды стояла тишина, и возникла зыбкая, неуверенная мыслишка:

«Не можем... Уважаемый Ратмир не был за гранью Бытия, он всего лишь вступил на Звездную тропу, но не прошел ее до конца...»

В зале снова воцарилась тишина, но только не для Ратмира. Зеленый камень перстня на его пальце резко потускнел, а в голове у него вдруг возник... Нет, не голос и не видение, это было вообще какое-то новое восприятие... прямое восприятие неизвестной ранее информации... неизвестного ранее Знания. Он вдруг понял, кто именно генерировал последнюю мысль, уразумел, что этот человек собой представляет, что побудило его высказаться таким образом! Это было настолько для него неожиданно, что он едва не пропустил мысль Вершителя:

«Соискатель может ответить на возражение!»

Ратмир снова внутренне усмехнулся и только затем спокойно «проговорил»:

«Во-первых, я отправился за грань Бытия для того, чтобы Мать всего сущего испытала меня. Я был готов к любому пути и к любому испытанию. То, что Мать всего сущего встретила меня уже на Звездной тропе и там же повелела Вершителю Марку переговорить со мной, – ее решение, и не мне, и не вам его обсуждать! Во-вторых, на пути за грань Бытия я в любом случае зашел гораздо дальше, чем уважаемый Варвар, так что его возражение необоснованно!»

«Протестую!!! – мгновенно заметалась по залу разъяренная мысль. – Никто не может знать, насколько далеко зашел испытываемый по Звездной тропе...»

«Око Знания это знает!!! – задавил эту мысль Ратмир. – Это знание истинное, и я могу огласить его!!!»

«Но что подтвердит твою правдивость!!!» – привел Варвар последний аргумент, однако Ратмир тут же ответил:

«Стол Истины, на который я готов взойти немедленно!!!»

«Я снимаю свое возражение!!!» – мгновенно сдался Варвар, но за этой вроде бы спокойной мыслью тянулся темный шлейф ярости и унижения.

В зале на пару секунд воцарилась тишина, после чего снова возникла мысль:

«Можем...»

Напряжение Ратмира было столь велико, что он даже не сразу понял, – это трижды посвященные продолжили высказывать свое мнение.

Затем еще шесть раз в зале «звучала» эта мысль, а вот тринадцатый член Совета посвященных сделал к своему «можем» неожиданное дополнение:

«Однако уважаемый соискатель должен передать свое доказательство Совету. На мой взгляд, эта... Вещь может принадлежать только Вершителю... или никому!»

И снова камень в перстне, засиявший было прежним зеленым светом, резко потускнел, а Ратмир стал обладателем знания о Вещи, называемой «Око Знания»! И снова он усмехнулся, готовясь возразить одному из членов Совета посвященных, но его возражение не потребовалось. Вместо него ответил Вершитель Кануг:

«Уважаемый Шавкан должен помнить, что Око Знания, созданное Вершителем Марком, может быть только подарено, причем подарено без всякого сожаления со стороны дарителя. В противном случае Вещь потеряет свои свойства! В свое время Вершитель Марк, покидая этот Мир, не пожелал подарить эту Вещь кому-либо из нас. Не думаю, что уважаемый Ратмир может сейчас без всякого сожаления подарить кому-то из нас эту Вещь!.. Но мы должны быть рады, что Око Знания снова вернулось в Мир, что оно снова будет принадлежать одному из трижды посвященных и помогать нам в наших трудах!»

После этой отповеди Вершителя в малом зале Совета еще раз прозвучала мысль «можем», после чего Вершитель Кануг поднялся из своего кресла и заговорил вслух:

– Ратмир из стаи восточных волков, дважды посвященный служитель Мира, Совет посвященных признал представленное тобой доказательство твоего пребывания за гранью Бытия убедительным и достаточным! Ты прошел третье посвящение, и, как трижды посвященный служитель Мира, тыходишь в состав Совета посвященных под именем...

Кануг замолчал, и княжич-волк понял, что он должен назвать свое новое имя, под которым его будет знать Мир всю его дальнейшую жизнь. Он неожиданно для себя тоже поднялся на ноги и четко произнес:

– Ратмир!!!

Глава 2

Часы на башне городского совета пробили четыре, и ворота вольного торгового города Ласта начали медленно открываться. Изверги из окрестных деревень, привезшие на городской рынок свежее мясо, рыбу ночного улова, овощи, фрукты и прочую снедь, возбужденно загалдели. Стоявшие впереди двинули свои повозки, не дожидаясь, когда ворота распахнутся настежь, но стражники, выскочившие за ворота, преградили путь торопыгам, выставив перед собой копья, – все въезжающие тщательно проверялись.

На дороге, ведущей к городу, позади груженных повозок, вьючных лошадей и ручных тележек, дожидался своей очереди большой крытый фургон, запряженный парой здоровенных волов. Рядом с фургоном на рослой, но спокойной лошади красовался усатый, красно-мордый дядька, в кожаных штанах и такой же куртке на голое тело, оглядывавший с высоты седла галдящую перед воротами толпу. На крыше фургона, рядом с привязанным там сундуком, тремя чемоданами и несколькими корзинами, лежал животом вниз молодой светлосолосый парнишка не старше шестнадцати-семнадцати лет. Подперев голову руками, он тоже не отрывал глаз от людского водоворота, стремящегося как можно быстрее попасть в город.

Всадник, бросив короткий, быстрый взгляд в сторону паренька на крыше фургона, заговорил медленно глубоким, хорошо поставленным басом:

– Этот город, Бамбарей, тем и хорош, что не принадлежит ни одной стае – он, понимаешь ты, вольный и торговый. Вольный и торговый! Это значит, что, во-первых, тебя здесь никто не может схватить и посадить, если ты не нарушаешь городских законов, а во-вторых, что у местного народца имеются денежки, чтобы заплатить талантливым актерам, то есть нам, за нашу вдохновенную игру!

– Дядюшка Прок, – улыбнулся в ответ паренек, – два месяца назад ты точно так же расписывал милых жителей Норникса и гостеприимство вожака северных лис... Хорошо, что мы остановились там, рядом со вторыми воротами, и я не спал ночью, а то сегодня ты не смог бы похвалить вольный город Ласт!

– Мальчик, – ничуть не рассердившись, загудел дядюшка Прок, – учись уважать старших, даже если они ошибаются... Когда ты сам станешь немного старше, ты поймешь, как легко ошибиться в людях, а тем более в многоликих! Три года назад, когда моя труппа показывала свое искусство в Норниксе, мы имели колоссальный успех, и наш фургон просто ломился от даров растроганных высоким искусством горожан. А в этот раз капризный ветер удачи отвернулся от нас!

Бамбарей снова улыбнулся, но ничего не сказал, хотя про себя подумал:

«От дубин и топоров ломился ваш фургон, бедный дядюшка Прок, и тетка Мармела мне в деталях рассказала про этот „успех“!» Мальчишка перевернулся на спину, уставился взглядом в высокое бледно-голубое небо. Солнце еще не взошло, но небесная синь уже вылиняла – и это лето, похоже, будет жарким.

Гул толпы, пробирающейся в город, бас дядюшки Прока, продолжавшего что-то наставительно рассказывать, отошли в сторону, перестали трогать сознание юного изверга. Высокое голубое небо пробудило его память, он вспомнил такое же небо, только совсем в другом месте, над другим городом...

Почти год назад он стоял на ристалище княжеского замка в городе Крае, и сама княжна Лада, дочь вожака Всеслава, вручила ему приз победителя турнира и... и поцеловала его. Тогда он носил имя Вотша и был княжым любимчиком, он занимался фехтованием с лучшим мечником стаи, чтением и письмом с княжым книжником... И все это кончилось в одночасье! Победа над княжичем стаи южных барсов, самовлюбленным Юсутом принесла ему милость княжны, ненависть Юсута и его отца, Юмыта, а князь Всеслав решил навсегда

заточить его в подземелье замка! Ему пришлось бежать... Бежать под безжалостным глазом Волчьей звезды, которая следит за беглецами-извергами с ночного неба и выдает их погоне! Но ему повезло – всю ночь скакал он по степи, по редким светлым рощам, уходя все дальше и дальше от княжьего города Края, а утром выехал на безлюдный берег широкой незнакомой реки. Он соскочил с коня прямо в воду, вороной умчал в степь, а он долго плыл по течению и только ближе к полудню, вымотавшись вконец, выбрался на берег. Под прибрежным кустом он и заснул, прижимая к себе единственную вещь, увезенную им из замка, свою награду – меч, который вручила ему Лада. А ближе к вечеру на берег реки, совсем рядом с тем местом, где он заснул, выехал фургон с бродячими актерами-извергами. Их голоса и разбудили его, а может быть, это был нестерпимый голод – он теперь уже и не помнил. Но актеры, ни о чем не спрашивая, накормили его, а он, часа два понаблюдав за этими странными, словно не от мира сего, людьми, решился признаться старшему из них, дядюшке Проку, в том, что он скрывается от многоликих.

Услышав, что их неожиданный гость – беглый изверг, тот почему-то не испугался, совсем наоборот, чуть подумав, он предложил пареньку присоединиться к труппе, стать странствующим актером. Когда же Вотша упомянул о следящей за ним Волчьей звезде, соглядатае и помощнике восточных волков, дядюшка Прок только рассмеялся. Вотша прекрасно помнил его слова: «Ты возьмешь другое имя, а твою внешность мы изменим так, что ни один волк тебя не узнает, не то что какая-то там Волчья звезда!»

Эти слова старого актера стали его надеждой, его опорой! С тех пор он бродил по свету с актерами, учился их мастерству, и только меч, который он возил в тайнике под днищем актерского фургона и с которым он иногда по ночам повторял боевую науку, напоминал ему о том, кто он такой на самом деле! Тетушка Мармела, пожилая актриса, бродившая по свету всю свою жизнь, стала для него матерью – ведь свою родную мать он не знал. Красавица Вероза, насмешливая и капризная, относилась к нему с дружеской иронией, как к младшему, еще не вошедшему в разум брату. Эрих, молодой рыжеволосый парень, довольно долго приглядывался к Вотше, но, увидев однажды, как извержонок занимается фехтованием, усмехнулся и показал несколько приемов боя без оружия, чем просто поразил Вотшу. Тот не отставал от Эриха до тех пор, пока рыжий не начал обучать его этому искусству. Так началась их дружба. Но больше всех полюбила Вотшу маленькая Элио, шестилетняя актриса. Она просыпалась с его именем на губах и засыпала только тогда, когда чувствовала его рядом с собой. Именно Элио впервые назвала Вотшу Бамбареем, никто не мог понять, откуда она взяла это имя.

Почти год он прожил в относительном спокойствии и понемногу начал забывать и о князе Всеславе, вожаке стаи восточных волков, и о его брате Ратмире, дважды посвященном волхве, оставившем маленького извержонка в княжеском замке стольного города Края, и о Волчьей звезде, продолжавшей каждую ночь следить за ним своим оранжевым глазом. Теперь они въезжали в славный и богатый город Ласт, где дядюшка Прок надеялся пополнить казну труппы, раздобыть новые костюмы, а может быть, и разжиться новой историей, которую можно было бы разыгрывать перед зрителями.

Крестьянские повозки быстро втягивались в город, так что вскоре фургон бродячих артистов подтянулся к самым воротам. Когда последняя крестьянская телега, преграждавшая актерам въезд, прогромыхала под сводами воротной башни, стражник, доселе невозмутимо поглядывавший на проезжавших извергов, вдруг шагнул вперед и встал перед мордой лошади дядюшки Прока.

Старый актер, не дожидаясь вопросов воротного стража, сдернул с головы свою почти новую шляпу и поставленным грудным басом проговорил:

– Я рад видеть во здравии и лично приветствовать почтенного Ворда из стаи северных росамах!

Вопрос, готовый сорваться с губ стражника, так и не прозвучал. Удивленно взглянув на склонившегося в поклоне Прока, воин почесал кончик носа и спросил:

– Откуда ты меня знаешь, старый прохиндей?!

Дядюшка Прок выпрямился, приложил руку к сердцу и вкрадчиво пророкотал:

– Кто же не знает доблестного воина, вставшего у ворот славного города Ласта, дабы обеспечить законность и покой горожан!..

После такого ответа удивление на физиономии стражника отнюдь не исчезло, зато оно сменилось задумчивостью. Пожевав толстыми губами, стражник повторил свой вопрос:

– Ты, извержающ морда, отвечай, откуда ты меня знаешь?!

На лице дядюшки Прока промелькнуло весьма недовольное выражение, но он постарался быстро взять себя в руки. А чтобы выиграть немного времени, опытный актер взял паузу – начал медленно, покряхтывая и постанывая, слезать с лошади.

Очутившись на земле, дядюшка Прок выпрямился перед стражником, оказавшимся чуть ли не на голову ниже его, и, посмотрев сверху вниз прямо в лицо недовольно нахмурившегося воина, заговорил проникновенным шепотом:

– Староста села Лохмотья, почтенный Хитырь – надо сказать, мой большой друг, предупредил меня сегодня утром перед отъездом, что если я встречу в воротах славного города Ласта достопочтенного Ворда из стаи северных росамах, то смогу получить у него огромную помощь...

При этих словах «достопочтенный» Ворд вопросительно поднял бровь, но актер быстро продолжил, не дав перебить себя вопросом:

– ...советом! Только советом, многоликий!

Последовал поклон и мгновенное движение руки, в результате которого в свободную ладонь стражника переключевала тяжелая медная монета.

Ворд, не отрывая глаз от склонившейся головы дядюшки Прока, быстро ощупал монету, словно определяя ее достоинство, а затем, спрятав добычу в карман широких штанов, уже гораздо доброжелательнее поинтересовался:

– Так какой же совет тебе нужен, изверг?..

– Мы – актеры... – все тем же проникновенным тоном продолжил Прок, выпрямившись. – Посоветуй нам, давно не посещавшим славный город Ласт, где можно остановиться нашей труппе, чтобы иметь не только крышу над головой, но и возможность показать свое искусство наибольшему числу просвещенных жителей этого чудесного города?!

Несколько секунд стражник размышлял, а затем, кивнув самому себе, глубокомысленно проговорил:

– Езжайте прямо, до площади Трех фонтанов, а там свернете направо, на улицу Бесстыдниц. В конце этой улицы найдете постоялый двор «У трех ослов», там вы сможете не только остановиться, но и снять у его хозяина новую конюшню. Она уже под крышей, но внутри пустая, вы вполне сможете устраивать в ней свои представления. – Он еще секунду подумал и добавил: – Хозяину постоялого двора скажите, что это я вас к нему направил...

Дядюшка Прок еще раз поклонился, а затем повернулся к вознице и громко приказал:

– Ты слышал, Эрих, что сказал наш благодетель?! Воздай хвалу многоликому Ворду из стаи северных росамах и... трогай!

Сидевший на козлах рыжеволосый парень лет двадцати пяти привстал со своего места, поклонился стражнику и громко возвестил:

– Счастлива мать, имеющая такого сына, как многоликий Ворд из стаи северных росамах!

Вслед за этим парень шлепнул по спинам волов ременными вожжами, и те дернули повозку так, что возница снова оказался на своем узком сиденье, причем рожа у него мгновенно стала удивительно глупой. Ворд, слушавший хвалу собственной матери, открыв рот,

расхохотался и отошел чуть в сторону, пропуская актеров, а дядюшка Прок, взобравшись на свою лошадь, отвесил еще один поклон стражнику и двинулся вслед за фургоном.

Когда фургон, миновав воротную арку, удалился от стражников, охранявших въезд в город, метров на двадцать, дядюшка Прок снова посмотрел на Вотшу и довольным тоном проговорил:

– Знай, юноша, все люди, в том числе и многоликие, готовы оказать помощь, если эта помощь не требует от них каких-либо усилий или расходов! А что может быть проще и дешевле, чем совет, данный за деньги?!

Вотша в ответ только улыбнулся.

До постоялого двора актерская компания добралась довольно быстро – народу на улицах было по раннему времени немного, а рынок, на который стремились все приезжие крестьяне, находился в другой стороне города. Серое трехэтажное здание постоялого двора было видно издалека – его ярко-зеленая крыша, украшенная огромной кирпичной трубой, прикрытой резным металлическим колпаком с флюгером в виде летящего аиста, бросилась в глаза, как только фургон свернул с площади Трех фонтанов на улицу Бесстыдниц. Да и вывеска, висевшая на углу здания, была достаточно велика, чтобы привлечь к себе внимание.

Въехав через широко распахнутые ворота во двор, фургон остановился. Дядюшка Прок, заехавший следом, спрыгнул с седла на землю и, махнув рукой своим ребятам, направился к заднему крыльцу постоялого двора, а Эрих, соскочив с козел на землю, принялся колотить в заднюю дверь фургона, покрикивая:

– Всё, приехали!.. Вставайте, лежебоки, я не собираюсь делать за вас всю работу...

В этот момент Вотша, свесив с крыши лохматую голову, проговорил:

– Да пусть они поспят, что мы сами фургон не разгрузим?

– Ага... – недовольно проворчал Эрих. – Мы будем вещи таскать, а они будут дрыхнуть.

Но стучать все-таки перестал и, зайдя сбоку, приказал:

– Ладно, сбрасывай, только осторожно!

Вотша отвязал веревку, которой актерский багаж крепился на крыше фургона, и, снова свесившись вниз, принялся аккуратно передавать в подставленные руки Эриха нетяжелые корзины. Когда все корзинки оказались на земле, дверь фургона распахнулась, и на верхней ступеньке короткой лесенки появилась женщина.

Ее молодость давно миновала, однако и старухой назвать ее было нельзя, тем более что одета она была аккуратно, даже с некоторым шиком. Ее чуть полноватую фигуру облегал бледно-зеленое шелковое платье с короткими рукавами, на ногах красовались белые чулки и зеленые туфли на невысоких каблуках. Лицо ее было слегка помято после сна, волосы растрепаны, а губы недовольно надуты. Оглядев двор чуть выпуклыми светло-голубыми глазами, она проговорила хрипловатым со сна голосом:

– Ну?! И кто здесь колотился в дверь?! Кому приспичило получить по шее?!

Тут ее взгляд натолкнулся на рыжую шевелюру Эриха, принимавшего первый из привязанных на крыше чемоданов, и она покачала головой:

– Я так и думала, что в дверь ломится этот рыжий оболтус!..

Эрих, опустив чемодан на землю, бросил косой взгляд на женщину и обиженно пробормотал:

– А ты не могла подумать, что это был оболтус-блондин?!

– Нет! Не могла! – отрезала женщина. – Бамбарей воспитан так, что не позволит себе ломиться к совершенно измотанным женщинам.

И словно в ответ на эту ее отповедь с крыши фургона донесся голос Вотши:

– С добрым утром, тетушка Мармела. Вам удалось хоть немного отдохнуть?!

– С добрым утром, Бамбареюшка... – Мармела спустилась по лестнице на землю и повернулась лицом к фургону. Тон ее стал гораздо ласковее, и даже хрипота исчезла из голоса. – Мы отдохнули, но именно что немного.

Последовал новый рассерженный взгляд в сторону Эриха, а затем Мармела снова посмотрела на свесившегося с крыши фургона Вотшу и спросила:

– А где этот бездельник, Прок?

– Где-где... – проворчал себе под нос Эрих. – На... Волчьей звезде!..

Мармела уже открыла рот, чтобы сказать рыжему ворчуну, что именно он собой представляет, но Вотша ее перебил:

– Дядюшка Прок отправился к хозяину постоялого двора договариваться о ночлеге и помещении для представлений.

– Без меня?! – Тетушка Мармела аж подпрыгнула на месте. – Да о чем он может без меня договориться?! Он же просто отдаст последние деньги, а взамен получит дохлую крысу!..

– И тетка Мармела сварит из нее похлебку... – снова проворчал себе под нос рыжий.

Однако на этот раз актриса не обратила на выпад рыжего никакого внимания. Она бросилась назад в фургон и спустя пару минут выскочила оттуда уже причесанной и подкрашенной. Снова оглядев двор уже окончательно проснувшимся, острым взглядом, Мармела скомандовала:

– Продолжайте разгрузку и не смейте будить девочек! – После чего быстрой, но донельзя элегантно походкой отправилась к заднему крыльцу постоялого двора.

Эрих, глядя ей вслед, упер кулаки в бока и, вихляя бедрами в такт шагу Мармелы, неожиданно писклявым голосом пропел:

– Вот сейчас мы обменяем дохлую крысу на старую тряпку!

После этого «театрального» представления Эрих смачно плюнул на землю и поднял руки, чтобы принять очередной чемодан.

Пять минут спустя все вещи труппы оказались на земле, а вслед за ними с крыши фургона спустился и Вотша.

Эрих уселся на крышку сундука и, с ухмылкой взглянув на Вотшу, проговорил своим обычным голосом:

– Быстро мы, Бамбарей, управились. Вот только как бы нам не пришлось таскать все эти сундуки-корзины обратно на крышу.

– Почему? – удивленно переспросил Вотша.

– А вот сейчас выбегут дядюшка Прок с тетушкой Мармелой от хозяина и оповестят, что он мошенник и договориться с ним не удалось.

На веснушчатую физиономию парня выползла довольная ухмылка – должно быть, после его слов вид у Вотши стал довольно глупым.

– Кто у нас мошенник? – донесся сонный женский голос из-за приоткрытой двери фургона. – С кем договориться не удалось?

Оба паренька, как по команде, уставились на фургон. Дверь фургона чуть скрипнула, и наружу высунулась женская головка, наряженная в шелковый, отделанный кружевами чепчик.

– И вообще, почему мы стоим? – проговорила выглянувшая женщина и, разлепив глаза, оглядела двор. – Мы что, уже приехали?

– Приехали, Вероза, приехали... – ответил Эрих, возвращаясь к привычному для него ворчливому тону. – Сейчас Прок и Мармела вернутся от хозяина постоялого двора, и вы с Элио сможете перейти в комнату. Вы продолжите спать, а мы с Бамбареем продолжим разгружать вещи!

Тут Вероза увидела на земле сундук в окружении чемоданов и корзин, широко распахнула свои чудные голубые глаза и обрадованно воскликнула:

– О, мальчики, какие вы молодцы – уже все сняли!.. Теперь вам осталось только перетаскать вещи в комнаты! – И тут же деловито прибавила: – Вы не забудете – большой желтый чемодан и вот эти две корзины поставьте ко мне в комнату.

– Конечно, Вероза, – пробурчал Эрих. – Только сначала я отнесу в комнату тебя.

– Не надо, – совершенно серьезно, даже чуть свысока отозвалась женщина. – Я вполне могу дойти сама, ты же постарайся не уронить мои корзины в грязь, как это было в той деревушке, где мы провели последнюю ночь.

– Я не ронял твои корзины в грязь, – не согласился Эрих, впрочем, без всякого азарта. – Я просто упал в темноте, споткнувшись о камень, и не моя вина, что корзины оказались в луже.

– Сейчас светло, и луж во дворе нет, – царственным движением вскинув подбородок, проговорила Вероза, – так что я на тебя надеюсь.

Затем, взглянув на Вотшу, молчаливо дожидавшегося окончания их с Эриком препирательств, она совершенно другим тоном попросила:

– Бамбарей, дружочек, ты не поможешь мне умыться... Вот только воды в фургоне совершенно не осталось.

– Конечно, Вероза, – тотчас же откликнулся паренек, – но ты должна дать мне кувшин.

Вероза мило улыбнулась и, бросив: «Сейчас», – скрылась за дверью фургона.

Через несколько секунд она появилась снова и протянула Вотше большой кувшин из желтого металла с причудливым чеканным узором.

Вотша взял посудину и побежал к колодцу, видневшемуся в дальнем углу двора, у забора, отделявшего двор с хозяйственными постройками от большого и довольно запущенного сада. Вероза снова скрылась в фургоне, но через минуту вышла, неся на руках девочку лет шести. Девчушка, явно только что из постели, плохо выпавшаяся, хныкала, а женщина негромко уговаривала ее:

– Посыпайся, Элио, просыпайся... Посмотри, куда мы приехали, посмотри, какой здесь чудесный сад, вот там ты будешь по утрам гулять со своим Бамбареем...

Услышав это имя, девочка сразу же прекратила хныкать, открыла глаза и спросила:

– А где Бамбарей?

– Вон твой Бамбарей. – Вероза развернулась так, чтобы девчушке было видно возвращающегося с водой паренька. – Сейчас мы с тобой умоемся и будем готовить завтрак.

В этот момент на заднем крыльце постоянного двора появился дядюшка Прок, а следом за ним и тетюшка Мармела. Их сопровождал огромного роста изверг в сильно поношенной одежде и грубых башмаках на босу ногу.

– Тебе хозяин приказал показать нам новую конюшню, вот и показывай! – разнесся по двору глубокий бас дядюшки Прока. – А то ведь мы можем и назад вернуться, сообщить хозяину постоянного двора, почтенному Морлу, о том, как его изверг выполняет полученные поручения.

– Да, пойдем, пойдем... – отвечал изверг не менее низким басом, чем у актера, только чуть надтреснутым. – Покажу я вам эту конюшню!.. Только все равно не сгодится она вам.

Изверг-слуга одним прыжком соскочил с крыльца на землю и широким шагом направился к довольно длинному и низкому бревенчатому строению с маленькими окошками по всей стене, прилепившемуся к забору на противоположном конце двора.

– А это уж, милейший, нам решать! – пророкотал дядюшка Прок в спину слуге, быстро пересчитав ногами ступеньки крыльца и поспешив следом за верзилой.

Тетюшка Мармела несколько секунд смотрела вслед удалявшимся мужчинам, затем тоже сбежала с крыльца, но направилась к фургону.

Вотша вернулся с водой, погладил девчущку по голове и с улыбкой проговорил:

– С добрым утром, княжна.

Девчущка кивнула в ответ и улыбнулась.

– Будем умываться? – спросил Вотша.

– Не будем умываться, – раздался в ответ ему голос тетушки Мармелы. – Мы отправимся в комнаты, которые снял Прок, и там приведем себя в порядок. Кстати, завтрак будет подан через полчаса, так что вам, ребятки, надо успеть за это время перетаскать в комнаты наши вещи. Фургон, волов и лошадь можете поставить вон в тот сарай за домом!

Отдав эти распоряжения, Мармела сделала знак Верозе, чтобы та следовала за ней, и направилась в сторону заднего крыльца.

Эрих и Вотша переглянулись. Вотша снова улыбнулся, а Эрих недовольно пробурчал:

– Полчаса... Придется все делать бегом или... остаться без завтрака.

– Бамбарей, я оставлю тебе пирожок! – крикнула Элио, уносимая Верозой в дом.

Махнув рукой, Эрих повернулся к Вотше:

– Постой тут с вещами, я устрою волов с фургоном и лошадь, а затем займемся вещами.

Вотша в ответ молча кивнул и уселся на сундук. Эрих взял поводья лошади, положил руку на парное ярмо волов и неторопливо пошагал в сторону, указанную Мармелой. И лошадь, и волы, как привязанные, двинулись следом за рыжим парнем, а Вотша в который раз удивился, насколько животные послушны этому доброму ворчуну.

Мармела с Верозой и Элио скрылись в доме, фургон свернул за угол здания, и двор опустел. Вотша поднял лицо к поднымавшемуся над крышами домов солнцу и прикрыл глаза, отдаваясь минутному покою. И в тот же момент позади него раздался ломкий юношеский голос:

– Тебя как звать-то?

Вотша быстро обернулся. Шагах в четырех от него стоял парнишка его лет, а может быть, намного помоложе. Растрепанные волосы неопределенного, какого-то пыльного цвета обрамляли его худое бледное лицо с тонкими бескровными губами, длинным, чуть горбатым носом и внимательными темными глазами, прятавшими в своей глубине едва заметную насмешку. Единственной яркой краской на этом лице была щедрая россыпь конопушек, осевшая на щеках под глазами и казавшаяся совершенно неуместной, какой-то искусственной в соседстве с темными глазами. Одет паренек был очень бедно, если не сказать – нищенски, истрепанные до лохмотьев штаны были подвязаны куском тонкой конопляной веревки, а на худые плечи была накинута толстая блуза, давно потерявшая свой изначальный цвет, так же как рукава и пуговицы. Однако, несмотря на свою незамысловатую одежду и болезненную худобу, парень держался свободно, даже развязно.

Не дождавшись ответа, он хлопнул по лохмотьям штанины тонким гибким прутиком, зажатым в левой руке, и усмехнулся:

– Да ты, похоже, дикарь с востока, культурную речь не понимаешь. – И, скорчив рожу, переспросил неожиданно низким, хрипловатым голосом: – Твоя не понимай, чо моя тебе говорить?!

– Моя понимай, чо твоя мене говорить... – чуть улыбнувшись, ответил Вотша и в этот момент заметил краем глаза, что на ручке одной из корзин Верозы сомкнулись тонкие грязные пальцы. Вотша крутанулся на месте и ногой ударил по руке, ухватившей корзину. Раздался короткий хруст и дикий визг маленького воришки, действовавшего, похоже, на пару с оборванцем. Конопатый, отвлекавший Вотшу разговором, метнулся вперед, замахиваясь своим прутом, но извержонок быстро присел, уклоняясь от метившей по его глазам гибкой хворостины, и снова крутанулся на месте. Конопатый оборванец, сбитый подсечкой, ткнулся носом в пыль, попытался быстро откатиться, но не успел – на его шею опустилась нога, обутая в крепкий башмак, и сверху донесся спокойный голос Вотши:

– Не дергайся – шею сломаю. – И далее с издевкой: – Твоя понимай, чо моя тебе говорить?!

Однако даже оказавшись в совершенно, казалось бы, безвыходном положении, оборванец не потерял самоуверенности. Не пытаясь вывернуться, он тем не менее с прежней развязностью пробурчал, отплеывая попавшую в рот пыль:

– Не дави!.. Шея – мое слабое место!

Вотша чуть скосил глаза, второй мальчишка притих и, сидя на земле рядом с корзиной Верозы, качался из стороны в сторону, баюкая поврежденную руку. Бежать, как ни странно, он не пытался.

– Ну, и долго ты собираешься на мне топтаться?! – поинтересовался оборванец и чуть пошевелил головой, словно бы проверяя, не ослабил ли его противник нажим. Вотша неожиданно убрал ногу и отступил на шаг, держа обоих воришек в поле зрения.

Конопатый оборванец сел, потер шею и чуть сморщил нос, затем взглянул снизу вверх на Вотшу и неожиданно улыбнулся:

– А шустрый ты парень. И где тебя так драться научили?!

«Если б ты знал, где меня учили драться, никогда бы со мной не связался», – с неожиданной тоской подумал Вотша, а вслух все тем же спокойным тоном проговорил:

– Чтобы с вами справиться, большой науки не надо.

Улыбка сползла с физиономии конопатого, и он, не сводя темных прищурившихся глаз с Вотши, проговорил, цедя слова через губу:

– Слышь, Цедра, нас оскорбляют.

Маленький чумазый воришка, которому было не больше пяти-шести лет, поднял на Вотшу небесно-голубые глаза и тоненьким, писклявым голоском пожаловался:

– Ты мне руку сломал...

– Больше не будешь тянуть свои лапы куда не надо, – не глядя на малыша, ответил Вотша.

– Все, Цедра, – снова подал ленивый голос конопатый, – теперь воровать не сможешь, а за так тебя кормить никто не станет... Сдохнешь... Как пить дать, сдохнешь!

Цедра опустил взгляд на свою руку и снова принялся раскачиваться из стороны в сторону.

– Ну, почему сдохнет? – в голосе Вотши просквозило едва заметное презрение. – Пойдет по подворьям стай, где-нибудь да накормят увечного.

Цедра снова вскинул глаза, в которых быстро наворачивались слезы:

– Ну, ты и в самом деле дикарь. – В тоненьком голоске чумазого воришки вдруг зазвела нескрываемая ненависть. – Сломал человеку руку и ни капли жалости! А мне теперь с голоду подышать?!!

Вотша широко ухмыльнулся:

– Ну, во-первых, не человеку, а вонючему извержонку...

– А сам-то кто?! Сам-то кто?! – привскочил на месте Цедра, однако Вотша продолжал, не отвечая на его восклицание:

– Во вторых, вонючему извержонку, потянувшему руку к чужой вещи, то есть извержонку-вору. А вора, пойманного на месте преступления, согласно кодексу вольного города Ластва, отрубают кисть вороватой руки и ставят клеймо на правую щеку. – Тут он внимательно посмотрел на притихшего Цедру и задумчиво протянул: – А может быть, мне сдать тебя моему знакомому Ворду из стаи южных росомых?.. Ему и поимка вора зачтется...

Лицо мальчишки мгновенно покрылось мертвенной бледностью, но конопатый немедленно выпалил:

– У тебя нет послухов, а без послухов сам в яму загремишь за облыжный оговор!

И снова Вотша продолжил говорить, не обращая внимания на выкрик конопатого:

– Но самое главное, неужели ты думаешь, что я не могу отличить хруст ломающейся кости от треска дощечки, которую ты подложил в рукав своих лохмотьев?!

Тут он наконец-то улыбнулся, а оба вора уставились на него широко раскрытыми глазами. Несколько секунд длилось молчание, а затем конопатый выдохнул:

– Ну... зараза!!! И откуда ты такой... ученый в Ласте взялся?! Тебе б при каком-нибудь жожаке книжником служить!!!

Улыбка увяла на лице Вотши, плечи поникли, и он каким-то бесцветным голосом проговорил:

– А теперь давайте дуйте отсюда, а то сейчас Эрих вернется, он на вас и послухов найдет, и руки-ноги повыдергивает... вместе с дощечками вашими.

Конопатый вскочил на ноги и кивнул малышу:

– Пошли, Цедра, мы и впрямь что-то засиделись.

Малыш быстро поднялся с земли и, поминутно оглядываясь, двинулся следом за своим старшим товарищем, направившимся к воротам.

Вотша смотрел им вслед, и в груди у него росла глухая тоска! Он ведь и в самом деле мог сейчас быть в свите жожака стаи восточных волков. Мог бы быть!!!

Уже в воротах конопатый вдруг обернулся и негромко крикнул:

– Эй ты... дикарь, если вдруг помощь какая понадобится, найди Выжигу... меня то есть! Я в этом городе кое-что могу!

Воришки скрылись за воротами, и почти сразу же раздался голос выходящего из-за угла дома Эриха:

– Надо было посадить Мармелу или Верозу рядом с вещами, пока мы будем их в комнаты таскать. Нельзя же все это без присмотра оставить.

– А ничего и не надо оставлять, – проговорил дядюшка Прок, подходивший к Вотше с другой стороны. – Вот он вам поможет... – и кивнул на слугу с постоянного двора, шагавшего следом за ним. – Вы сможете сразу забрать все, кроме сундука, который я посторожу!

– Лучше бы ты сказал «который я отнесу», – пробурчал себе под нос Эрих, но его бурчание заглушил надтреснутый бас изверга-слуги:

– Я не нанимался таскать ваши пожитки!

Дядюшка Прок быстро повернулся к остановившемуся позади него великану и, вздернув голову, высокомерно поинтересовался:

– А мне показалось, что мы заключили с тобой договор об оказании нашей труппе всяческих мелких услуг?

Слуга после этих слов застыл на месте, открыв рот и уставившись на дядюшку Прока широко распахнутыми от удивления глазами. Только через пару десятков секунд к нему вернулся дар речи, и он возмущенно зарокотал:

– Ни о каких услугах я с тобой не договаривался!!! Ты спросил, смогу ли я достать материал и сколотить в конюшне для вашей шайки помост! Я ответил, что смогу, если ты заплатишь мне двадцать ластовских медяков! Ты согласился и... все!!!

Он явно не закончил свою тираду, но дядюшка Прок перебил его самым снисходительным тоном:

– Так в эти двадцать медяков входит также и плата за всяческие мелкие услуги типа подноски багажа и чистки обуви...

– Что?! – взревел изверг. – Я еще и ваши сапоги чистить должен?!

– А как ты думал?! – в свою очередь заорал дядюшка Прок. – Или ты рассчитывал, что я отсчитаю тебе двадцать монет за пару сколоченных досок?!

– Так пусть тебе эти доски сколачивает кто-нибудь другой! – рявкнул слуга. – А заодно и чистит ваши вонючие сапоги и таскает за вами ваши пожитки!

Он в ярости плюнул на землю, развернулся и зашагал в сторону крыльца.

– И прекрасно, – с нескрываемой насмешкой бросил ему в спину дядюшка Прок. – Я быстро найду того, кто сделает все, что нужно. Двадцать монет на земле не валяются.

Изверг-слуга вдруг остановился, а затем медленно повернулся назад. На его грубо вылепленной физиономии было явственно написано, что с последним тезисом дядюшки Прока он полностью согласен. Еще несколько секунд длились его колебания, а затем он молча вернулся к груде вещей, сваленных на земле, ухватил большой чемодан и две корзины и так же молча направился к крыльцу постоялого двора.

На щекастом лице дядюшки Прока расцвела торжествующая улыбка. Повернувшись к Эриху и Вотше, он довольно им подмигнул и кивнул на вещи, словно говоря: «Давайте, ребята, присоединяйтесь».

Юноши расхватили корзины и баулы, причем желтый чемодан Верозы достался Вотше, и двинулись следом за слугой.

Спустя полчаса труппа в полном составе собралась в нижней зале постоялого двора за столом, накрытым для завтрака.

Тетушка Мармела открыла крышку большой корчаги, и над столом поплыл запах овощного рагу, сдобренного курятиной. Помешав большой ложкой варево, она стала раскладывать его по тарелкам. Дядюшка Прок разлил по кружкам вино, плеснул в чашку Элио ягодного навара и заговорил, довольно потирая руки:

– К завтрашнему утру в новой конюшне этого постоялого двора будут готовы подмости, так что вечером мы уже сможем дать первое представление. Сами знаете, насколько успех нашего здесь пребывания зависит от первого представления, поэтому сразу же после завтрака Мармела отправляется на рынок, Вероза с Элио – по лавкам в торговых рядах, а Бамбарей – на лучшие постоянные дворы города, туда, где останавливаются самые именитые и богатые гости! Я не буду вас учить, что вам делать, вы и так все очень хорошо знаете. Распускайте слухи, восторгайтесь мастерством Прока-горлопана и его труппы, рекомендуйте нас, как очевидцы, разжигайте любопытство, любопытство свойственно людям, любопытство движет людьми... Надо добиться, чтобы на первом представлении хотя бы первые три ряда заняли многоликие.

– Ты уже решил, что мы будем показывать? – перебила его тетушка Мармела. – Или опять нам придется на ходу придумывать, чем зрителей развлекать?!

– Ну что ты, Мармелочка, – чуть ли не пропел дядюшка Прок. – Конечно, я все обдумал, у нас получится замечательное представление. Если в зале будет хотя бы несколько многоликих, Элио откроет представление гимном Матери всего сущего. Это будет очень трогательно и даст зрителям нужный настрой. Затем Вероза и Бамбарей покажут пантомиму «Стрекоза и муравей», чтобы подогреть народ, – вещица-то весьма игривая, а на закуску мы покажем наш знаменитый фарс «Сколько стоит чужая жена»...

– Я не буду больше заголяться! – немедленно вскинулась тетушка Мармела, оторвавшись от своей тарелки, наполненной овощным рагу с кусочками курятины.

– Мармелочка! – снова пропел дядюшка Прок. – Но это же лучшее наше творение! Когда твое обнаженное тело...

– Я не буду больше заголяться! – снова перебила дядюшку Прока Мармела, приподнимаясь со своего места и шаря по столу рукой явно в поисках тяжелого предмета.

Дядюшка Прок понурил голову:

– Тогда, дорогие мои, все пропало! Нам нечем удивить здешнюю публику, нам нечего предъявить ей в качестве доказательства нашего искусства!

И он со вздохом обмакнул хлебную горбушку в свою тарелку.

С минуту над столом висела тишина. Актеры молча хлебали горячее варево, раздумывая над сложившейся ситуацией, а затем Вотша не слишком уверенно предложил:

– А может быть, нам в конце показать «Закон леса»?

Прок оторвался от тарелки, поднял взгляд на Вотшу и грустно проговорил:

– Эта вещь, Бамбареюшка, хороша для показа при дворе какого-нибудь вожака, в местах, где царят патриархальные нравы и чтятся классические моральные ценности. А вольный город Ласт привык смотреть на подмостках комедию, и чем эта комедия вольнее, тем лучше. «Закон леса» – трагедия, а этот жанр вряд ли пользуется здесь успехом.

– А мне кажется, Бамбарей прав! – неожиданно вмешалась в разговор Вероза. – «Закон леса» – это лучшее, что есть в нашем репертуаре. Даже северные лисы, ничего не понимающие в актерстве и считающие высшим проявлением искусства колотьбу в бубен, плакали, когда мы показывали «Закон леса»... И потом, если, как ты, Прок, говоришь, жители Ласта давно не видели трагедии, это будет для них в новинку, а значит, наверняка заинтересует.

Тетка Мармела, внимательно слушавшая Верозу, положила ложку рядом с тарелкой и, прищутив глаза, уперлась взглядом в Прока.

– Вообще-то, старик, ты в последнее время частенько говоришь одно, а делаешь другое.

Это заявление было настолько неожиданным, а обращение «старик» настолько непривычным и неприятным для дядюшки Прока, что он буквально выронил ложку и, растерянно оглядев своих товарищей, поинтересовался:

– Что, собственно говоря, ты имеешь в виду?

– То, что ты нам постоянно твердишь о служении истинному искусству, о нашем высоком предназначении, о пламени настоящего чувства и неподдельной страсти, а на подмостки тянешь голые задницы и плоские шутки! – громко и яростно выпалила тетка Мармела.

После этих слов дядюшка Прок совершенно растерялся. Еще раз оглядев своих актеров и встретив явно не сочувственные ответные взгляды, он пожал плечами и вдруг осипшим голосом забормотал:

– Но... вы же должны понять, что... это... иногда приходится идти на компромиссы... Иногда, чтобы заработать, приходится давать зрителю то, чего он хочет, к чему он привык и чего ожидает...

– А ожидает он, конечно же, голых задниц и плоских шуток, – поддержал старого актера Эрих, но в голосе рыжего парня было слишком много иронии, чтобы принять эту поддержку! Именно эта ирония помогла дядюшке Проку хотя бы частично вернуть привычный апломб. Гордо вскинув голову, он заявил:

– Да, большая часть наших зрителей ожидает именно этого и готова платить за подобное полновесной монетой! Или вы готовы отказаться от еды и одежды ради... э-э-э... «высокого искусства»?!

И тут он буквально захлопнул рот, словно пытаясь поймать последние вылетевшие из уст слова. Но они уже вылетели, и невозможно было что-либо исправить. Бамбарей, Эрих, Вероза, Мармела и даже маленькая Элио молча уставились на дядюшку Прока широко открытыми глазами, полными удивленного осуждения!

– И не надо на меня так глядеть! – странным фальцетом выкрикнул Прок, хлопнув ладонью по столу. – Я не сказал ничего такого, чтобы на меня можно было так глядеть! Раз вы настаиваете, мы покажем «Закон леса», но предупреждаю, если мы не заработаем в Ласте, добраться до другого города нам будет очень сложно!!!

Все, словно дождавшись наконец нужных слов, дружно опустили головы и принялись быстро хлебать остывающее варево.

Минуты три спустя, отодвинув тарелку и допив вино из кружки, Вотша как ни в чем не бывало обратился к дядюшке Проку:

– Если на постоянных дворах найдутся обменщики из стай, их тоже... приглашать на наше представление?

– Конечно! – кивнул старый актер. – Только намекай, что попасть к нам сложно и плата должна быть соответствующей... И вообще, поглядывай, что за люди эти обменщики, а то

ведь в некоторых стаях до сих пор считают, что все изверги должны на них бесплатно горбатиться! И не посмотрят ни на какие законы вольного города – начнут ломиться в зал без платы, а то еще драку учинят.

Вотша чуть заметно улыбнулся – такие наставления он получал от дядюшки Прока в каждом городе, каждом более или менее крупном поселении, где им приходилось выходить на подмошки.

– Тогда я пошел? – спросил он, поднимаясь со своего места.

– Подожди, – остановил его старый актер и, порывшись в висевшем на поясе мешочке, выложил на стол три небольшие монетки. – Это тебе на всякий случай... Мало ли что...

Вотша обошел стол и, аккуратно взяв со стола монетки, спрятал их в маленький кармашек на внутренней стороне куртки.

– Я хочу идти с Бамбареем, – неожиданно заявила Элио, пытаясь слезть со своего стула. Но Вероза, сидевшая рядом, тут же пересадил ее к себе на колени и зашептала на ухо девочке:

– Ты что, глупенькая. Мы же с тобой пойдем по самым богатым лавкам города! Дядюшка Прок даст нам монетки, и мы купим тебе новый бант – ведь завтра вечером ты будешь петь гимн Матери всего сущего! А Бамбарей должен встретиться со всякими неинтересными дядьками, и ты будешь только мешать ему.

– Бамбарей купит мне изюму, я буду сидеть тихо-тихо и никому не буду мешать, – не согласилась малышка, пытаясь слезть с колен Верозы. – Бамбарей, возьми меня с собой.

Вотша подошел к Верозе и опустил ее на колени рядом с Элио.

– Княжна. – Он погладил девочку по темной кудрявой головке. – Вероза права – если ты пойдешь со мной, я не смогу выполнить поручение дядюшки Прока, и он лишит меня ужина... Справедливо лишит. Ты же не хочешь, чтобы я остался голодным?

– Я с тобой поделюсь, – тут же предложила Элио, но по ее тону было ясно, что она уже не настаивает на совместной с Бамбареем прогулке.

– Я знаю, – улыбнулся Вотша, – но будет лучше, если ты сейчас прогуляешься с Верозой, а я возьму тебя с собой в следующий раз. Хорошо?

Девочка секунду подумала и утвердительно кивнула:

– Хорошо. Только ты будь поосторожней!..

– Обязательно, – снова улыбнулся Вотша и поднялся с колен.

– До вечера, – попрощался он с сидящими за столом актерами и направился к выходу из зала.

Вольный торговый город Ласт был совсем небольшим. Появился он всего лет сто пятьдесят назад на перекрестье границ владений четырех стай. Все четыре стаи называли заболоченную пустошь, раскинувшуюся на несколько квадратных километров, своей, но на самом деле она не принадлежала никому. Однажды некто Ловель, третий княжич стаи западных вепрей, не пожелавший добиваться посвящения и становиться друидом, ушел с четверьма своими друзьями на эту пустошь и объявил ее свободной территорией. Как ни странно, все четыре стаи, граничившие с пустошью, отнеслись к этой выходке спокойно. Они не сомневались, что через несколько недель эта четверка перестанет заниматься глупостями и вернется в свою стаю. Однако парни оказались настырными, они выстроили на самом сухом месте большой дом и принялись обносить эту часть пустоши деревянным тыном. Когда эта работа была завершена, Ловель объявил, что он основал вольный город, названный Ластом, и утвердил законы, по которым этот город будет жить.

Стаи, окружавшие этот странный город, состоявший из одного дома, и это заявление встретили спокойно, даже с некоторой доброй иронией – четверка, основавшая город, казалась им компанией безобидных сумасбродов, затеявших некую безумную игру. Но уже через

три года вокруг выстроенного Ловелем и его друзьями дома, который они называли городским замком, возникло поселение из нескольких десятков домов. А потом оказалось, что этот незаконно рожденный Ласт очень удобен для всех окружавших его стай – в нем стали собираться обменщики стай, чтобы поменять имевшиеся у них товары, на то, что могли предложить их соседи. Сам Ловель догадался, а может быть, кто-то и подсказал ему, но вскорости в городе появилась своя монета. Это тоже было очень удобно – вместо того чтобы подбирать подходящие варианты обмена, порой становившиеся весьма сложными, обменщики просто меняли то, что они привезли, на городскую монету, а затем за ту же монету приобретали товары, имевшиеся у обменщиков других стай или у самого города! Монета города Ласта быстро стала весьма популярной среди западных стай и начала ходить даже в самом Лютеце!

Так и стал город Ласт и вольным, и торговым.

Выйдя за ворота постоялого двора, Вотша остановился и оглядел улицу Бесстыдниц. Слева она продолжалась еще тремя парами невысоких домиков, за которыми виднелась невысокая городская стена, справа улица тянулась до площади Трех фонтанов, и эту ее часть актеры проехали, направляясь к постоялому двору.

Заканчивался час Жаворонка, а потому народа на улице было довольно много, в основном это были служанки или кухарки, возвращавшиеся с рынка и продовольственных лавочек. Вотша вздохнул и неторопливо двинулся в сторону центра города.

Ему не первый раз приходилось выполнять обязанности зазывалы, и он улыбнулся, вспомнив, с каким трепетом впервые попробовал это ремесло, как краснел и заикался, расписывая достоинства труппы дядюшки Прока. Но постепенно он привык к этой работе и даже выработал свои собственные приемы и подходы. Причем особенно ему удавались беседы с приезжими многоликими, скучавшими в чужих местах.

На первом перекрестке Вотша свернул к центру города, поскольку именно там должны были располагаться постоянные дворы, предназначенные для обменщиков и просто путешественников многоликих.

Чутье его не обмануло: пройдя пару кварталов, он оказался на довольно широкой площади, замощенной тесаным камнем, по обе стороны которой расположились два постоянных двора. Один разместился в двухэтажном деревянном здании, выкрашенном в зеленый цвет, и назывался «Отдохни и покушай», а второй, на противоположной стороне площади, был каменным, трехэтажным, с двумя пристройками и вычурной вывеской над окнами первого этажа, гласившей «Замок Ловеля». Подумав несколько секунд, Вотша решил начать свою работу с того, что казался попроще.

Он не пошел к парадному входу, для начала надо было потолкаться среди прислуги, а значит, его путь лежал к черному ходу постоялого двора. Пройдя в боковые ворота, Вотша очутился в небольшом застроенном хозяйственными постройками дворе и направился к конюшне, около которой кучковалось несколько извергов. Вотша выбрал для первого контакта четверых довольно пожилых мужчин, стоявших у самых ворот конюшни и переговаривавшихся о чем-то тихо, но с явной тревогой. Когда юноша приблизился, все четверо замолчали и посмотрели на незнакомца, но Вотша принял вид чуть растерянного деревенщины, впервые попавшего в город. Мужики, удостоверившись, что незнакомый парень безобиден, снова продолжили свой негромкий разговор:

– Не знаю, откуда у тебя такие сведения... – зарокотал хрипловатым басом могучий старик с окладистой белой бородой и большой плешью на затылке, обращаясь к маленькому сухонькому, еще не старому мужичку, нервно мявшему в руках картуз с большим козырьком. – Но мне кажется, это какая-то ерунда. В Ласте никогда никаких облав не было, да и законы города не разрешают жожакам стай орудовать в городе. Это ж не их князь города, где они полные хозяева.

– Оно, конечно, так, – согласился со стариком рыжебородый дядька с засунутым за пояс небольшим топориком. – Только кто может помешать какому-нибудь князю послать в Ласт своих людей и устроить здесь... охоту?.. Ловель не станет из-за одного какого-то там изверга ссориться с владетельным князем!

– Хотя бы узнать, какая именно стая решилась на такое дело... – задумчиво проговорил четвертый изверг – невысокий, ладно скроенный дядька с темной кучерявой шевелюрой и щегольскими, в ниточку, усами.

– И чем такое знание тебе поможет? – с легкой насмешкой поинтересовался рыжебородый. – Или просто легче станет, если будешь знать, на чей зуб попадешь?!

– Да ерунда все это! – решительно рубанул ладонью воздух старик. – Кто-то небылицу сочинил, а этот... – кивнул он в сторону маленького изверга с картузом, – по городу разносит!

– Да нет же!!! – азартно рванув свой картуз, зашепшил горячим шепотом обвиненный в распространении сплетен изверг. – Я ж вам говорю: к моему господину знакомый многоликий зашел, а я их разговор случайно подслушал. Этот многоликий – приближенный самого Ловеля, он-то и рассказал, что по всему обитаемому Миру разыскивают кого-то изверга... Вот только, что он натворил, я не услышал – поздно прислушиваться стал.

– Да, уж... – все тем же задумчивым тоном протянул кучерявый. – Это ж что надо натворить, чтобы тебя по всему Миру разыскивать начали?!

– Ну, ни я, ни ты ни на что такое не способны! – отрезал старик. – А значит, и беспокоиться нам не о чем!

И в следующее мгновение, резко повернувшись в сторону Вотши, спросил:

– А ты что рот раззявил?! Что без дела стоишь?!

От столь неожиданного обращения Вотша несколько растерялся, и его ответ получился именно таким, какой, похоже, ожидал услышать старый изверг, – растерянный и корявый:

– Я... того... послали меня... это... постоянный двор поприличнее найти... Я и хотел у вас спросить... который поприличнее?..

– Поприличнее... – передразнил его старик. – Тебе не поприличнее надо искать, а по карману! Господин-то твой кто будет?!

– Так господин известно кто! – гораздо увереннее ответил Вотша. – Многоликий Горот из стаи западных лосей.

– Да кто он такой, твой Горот?! – раздражаясь, повысил голос старик-изверг. – Чем занимается, зачем в Ласт приехал?!

– Горот кто?! – удивился Вотша, словно его вымышленного хозяина должен был знать весь мир. – Известно кто – ближний дружинник князя!.. Недаром сам князь отправил его сына в Лютец, учиться на друида, а Горот провожает молодого господина!

– Ясно, – облегченно выдохнул старик. – Веди своего Горота сюда, в «Отдохни и покушай». Этот постоянный двор как раз для него!

И старик отвернулся от юноши, давая понять, что разговор с ним окончен и его дальнейшее присутствие рядом с их компанией нежелательно.

Вотша вздохнул и медленно двинулся к воротам, обдумывая услышанный разговор.

«Интересно, о чем это они говорили?.. То ли кого-то разыскивают, то ли кого-то схватить собираются... И почему-то именно в Ласте... Странно, Ласт ведь свободный город, как можно здесь кого-то схватить, если он не нарушил законы и обычаи города?..»

И вдруг паренька обожгла догадка! Это его разыскивают и собираются схватить. Это его разыскивают по всему обитаемому Миру! Он прекрасно знал, кто именно его разыскивает и за что! Но самое главное заключалось в том, что организовать такой поиск могла далеко не каждая стая, а вот восточные волки могли.

На секунду он замер на месте, ошарашенный своей догадкой, а затем быстро развернулся и чуть ли не бегом бросился назад, на постоянный двор «У трех ослов», к дядюшке Прок. Больше у него не было никого, с кем он мог бы посоветоваться.

Через пятнадцать минут он был на постоялом дворе и, расспросив одного из слуг, узнал, что дядюшка Прок находится в новой конюшне, в которой начали сколачивать подмости. Вотша бросился к конюшне.

В низком деревянном строении, еще пахшем свежестругаными бревнами, раздавался стук молотков и глубокий, проникновенный голос старого актера, дававшего указания двум слугам-извергам, сколачивавшим в дальнем конце помещения невысокий помост. Вотша перевел дыхание, постарался успокоиться и, подойдя к Прок, дернул его за рукав. Старик быстро обернулся и, увидев извержонка, удивленно воскликнул:

– Бамбарей?.. Ты что так быстро вернулся?!

Вотша тихо, почти шепотом, проговорил:

– Дядя Прок, мне с тобой поговорить надо...

– Ну, говори, – согласился Прок, поворачиваясь к работающим извергам.

– Нет, – снова дернул его за рукав Вотша, – мне надо поговорить так, чтобы нас никто не слышал!

Старый актер снова взглянул на юношу, на этот раз гораздо внимательнее, и после секундного раздумья кивнул:

– Хорошо, пошли во двор, там поговорим.

Они вышли во двор, и Вотша торопливо рассказал все, что он услышал у конюшни постоянного двора «Отдохни и покушай». С минуту дядюшка Прок молчал, а затем, понизив голос, спросил:

– И почему ты думаешь, что разыскивают именно тебя? Прошел почти год с тех пор, как ты ушел из Края, и до сих пор никаких поисков вроде бы не было. Почему же вдруг их начали?..

– Я не знаю, – честно признался Вотша, – но мне кажется, что ищут все-таки меня... Ведь поиски идут по всему Миру... Так сказал тот тощий изверг, который слышал разговор многоликих, значит, тот, кого ищут, натворил что-то действительно серьезное! Нет, дядя Прок, ищут меня!

– Ну, хорошо, – кивнул Прок. – И что ты думаешь делать?

Вотша опустил голову и проговорил через силу:

– Я должен уйти... Уйти из города и... спрятаться... Иначе можете пострадать вы.

– Мы! – удивленно воскликнул старый актер. – Почему должны пострадать мы?! Разве мы знаем, кто ты такой?! Разве мы сознательно укрывали тебя?!

На лице дядюшки Прока расцвела его замечательная улыбка, но Вотша в ответ только горько усмехнулся:

– Никто не будет разбираться, действовали вы намеренно или я вас обманул. Вас накажут за то, что я просто был рядом с вами! Я знаю, как действует князь Всеслав! Я знаю...

Он быстро взглянул на своего покровителя и, вздохнув, повторил:

– Мне надо уходить. Только я не могу уйти без своего меча и забрать его сейчас не могу, он, даже завернутый, слишком бросается в глаза! Если ты разрешишь, я его пока оставлю на прежнем месте, а ночью проберусь в сарай и унесу...

Старый актер с минуту молчал, глядя в лицо Вотше, а затем совсем другим, мягким, грустным голосом проговорил:

– Я привык к тебе, Бамбарей... И... Как же Элио, как твоя княжна?..

Вотша только вздохнул, а Прок продолжил:

– Но, возможно, ты прав и тебе действительно необходимо скрыться. Делай, как считаешь нужным, и помни, что мы всегда готовы принять тебя... Несмотря на любую опасность, на любую погоню!..

– Спасибо, дядюшка Прок, – сквозь подступающие слезы пробормотал Вотша, а затем, быстро развернувшись, бросился к воротам постоянного двора.

Оказавшись на улице, Вотша пошел медленнее, стараясь взять себя в руки, успокоиться. Он вспомнил наставления своего учителя фехтования, глубоко вздохнул, медленно выдохнул и огляделся, словно примериваясь к улице, к городу, так, как когда-то он примеривался к противнику, прикидывая его слабые и сильные стороны. Для начала ему надо найти место, в котором можно было бы отсидеться до ночи. Лучше, чтобы это место располагалось неподалеку, ведь ему предстояло вернуться на постоянный двор «У трех ослов», а идти ночью через весь город очень не хотелось. Все осложнялось еще и тем, что он совершенно не знал этот город и не имел здесь ни одного знакомого! Хотя!..

Вотша даже остановился от внезапно пришедшей ему на ум мысли – Выжига! Тот самый длинноносый и конопатый доходяга, который со своим помощником пытался стащить корзину Верозы!

Он еще раз оглядел улицу, но теперь его взгляд искал нечто определенное. Метрах в пятидесяти впереди по улице стайка извержат-оборванцев лет восьми-десяти от роду играли в какую-то непонятную игру. Вотша неторопливо направился в их сторону, пытаясь на ходу разобраться в правилах этой игры.

Когда он остановился шагах в трех от оборванцев, они сгруппировались кучей. Затем один из них громко выкрикнул какое-то тарабарское слово, и ребята бросились врассыпную, оставив сидеть на мостовой одного, на взгляд Вотши, самого оборванного. Мальчишка сидел на корточках, поджав руки к животу, закрыв глаза и что-то бормоча себе под нос. Вотша шагнул вперед и, ухватив его за плечо, негромко сказал:

– Если ты кое в чем мне поможешь, я тебя отблагодарю...

Мальчишка замолчал, выждал несколько секунд, а затем осторожно открыл глаза. Оглядев Вотшу внимательным взглядом, он поинтересовался:

– И как ты меня отблаговаришь?..

– А тебе не интересно, что от тебя потребуется? – в свою очередь спросил Вотша.

– Не-а, – ощерился оборванец и тут же пояснил: – Ты и сам мне расскажешь, что тебе от меня нужно.

– Правильно, – улыбнулся Вотша смекалке извержонка. – Расскажу...

– Сначала скажи, чем ты меня отблаговаришь, – настойчиво повторил оборвыш.

– Если ты поможешь мне найти Выжигу, я дам тебе монету, – пообещал Вотша.

– Ха!.. – недоверчиво воскликнул извержонок. – Монета – это хорошо, только нет у тебя никакой монеты!..

– Вот монета. – Вотша разжал кулак и показал одну из трех монет, данных ему дядюшкой Проком. – И она будет твоя, если...

Он не договорил, мальчишка был достаточно сообразителен, ему не надо было повторять дважды, что от него требуется. Но, как оказалось, он был еще к тому же не слишком доверчив.

– Дай пощупать, – потребовал он, протягивая чумазую ладошку.

Однако Вотша быстро сжал кулак, пряча свою монету.

– Мы оба мало доверяем друг другу, – с улыбкой заявил он. – Ты сможешь ее пощупать только после того, как я увижу Выжигу... Ну а если ты не согласен на такие условия, я поищу себе другого проводника.

Пару секунд извержонок соображал, а потом поднялся с мостовой и мотнул головой:

– Пошли!..

Вотша отпустил плечо мальчишки, и тот, вместо того чтобы идти по улице, юркнул в ближайшую подворотню. Последовав за мальчишкой, Вотша оказался в самом настоящем лабиринте. Миновав крошечный дворик, зажатый между двумя деревянными домами, он перемахнул через невысокий забор, протиснулся в щель между каменными стенами, поднялся по крутой лесенке, ведущей на крышу трехэтажного дома. Дальше пару кварталов они шли по крышам, причем мальчишка жестом показал, что ступать надо как можно тише, и удовлетворенно хмыкнул, поняв, что Вотша не уступает ему в бесшумности ходьбы. В результате этого перехода они оказались на крыше огромного сарая, стоящего на задворках какого-то постоянного двора. Мальчишка лихо спрыгнул на присыпанную соломой землю и, когда через мгновение Вотша приземлился рядом с ним, уважительно проговорил:

– А ты ничего, ходить умеешь!

– Далеко еще? – не отвечая на похвалу, спросил Вотша.

– Да уже пришли, – улыбнулся извержонок и протянул руку, требуя свою монету.

– Ты кого это привел, Перец?! – раздался за спиной Вотши ломкий юношеский голос.

Вотша мгновенно развернулся. У прикрытых ворот сарая стояли четыре парня немного моложе его, у всех четверых в руках были короткие увесистые дубинки.

– Да вот, – откликнулся проводник Вотши, – Выжигу видеть хотел.

– Выжигу?.. – медленно протянул черноволосый парень, стоявший справа и не спускавший с Вотши пристального взгляда. – А зачем тебе Выжига?..

– Дело есть, – спокойно ответил Вотша.

– Отдавай мою монету! – потребовал маленький проводник у Вотши, хватая его за сжатый кулак.

– Ты не выполнил свою работу, – бросил ему Вотша, не отводя глаз от стоявших перед ним парней. – Я не вижу Выжигу, а значит, ты не увидишь монету!

– А может быть, мы можем заменить Выжигу в твоем деле? – поинтересовался черноволосый.

– Может быть... – согласился Вотша. – Но я вас не знаю и потому дел с вами вести не буду.

– Так-таки и не будешь?! – усмехнулся черноволосый, бросая свою дубинку на землю и медленно вытаскивая из кармана широких обтрепанных штанов короткий нож.

Вотша посмотрел на нож, чуть улыбнулся и спокойно сказал:

– Убери, обрежешься.

– Уголек, он над тобой смеется, – странным, надтреснутым голосом проговорил высокий худющий парень, стоявший рядом с черноволосым Угольком.

– Щас он у меня по-другому засмеется! – пообещал Уголек.

Чуть пригнувшись и держа руку с ножом у бедра, он шагнул в сторону Вотши. Тот отступил на полшага и предупредил:

– Не убереешь нож, я сломаю тебе руку!

– Гы!.. – ухмыльнулся черноволосый и сделал еще один короткий шаг к Вотше.

– Ну, как хочешь, – со вздохом проговорил Вотша и, заметив, что кривой на правый глаз парень, стоявший слева, начал медленно обходить его, добавил: – А тебе, кривой, я сломаю ногу!

– Гы!.. – опять усмехнулся Уголек. – Эта деревня собирается всех нас покалечить.

– Ага, – поддержал товарища кривой. – Языком!..

Теперь и те двое, что стояли в центре, тоже двинулись к Вотше.

И в этот момент откуда-то сверху донесся негромкий голос:

– Эй, Уголек, спрячь свою железку, и ты, Харя, не особо дергайся, а то этот дикарь и впрямь вас покалечит!

Вся четверка мгновенно замерла на месте, а потом Уголек, не поворачивая головы, спросил:

– Выжига, ты, что ли?..

– Я, Уголек, я, – донеслось сверху, и на землю прыгнул конопатый знакомец Вотши.

– Ну что, дикарь, – вор улыбался вполне доброжелательно, – быстро я тебе понадобится!

– Быстро, – согласился Вотша.

– Ну, рассказывай, в чем дело?

Вотша посмотрел на четверку парней, молча слушавших их беседу, и Выжига, словно угадав его мысли, добавил:

– Говори при них, дальше не пойдет!

– Мне надо где-то отсидеться до ночи, а затем уйти из города, – стараясь говорить как можно спокойнее, произнес Вотша.

Выжига прищурил глаз, внимательно оглядел Вотшу и неожиданно спросил:

– Так это тебя, что ли, многоликие ищут?..

Вотша постарался не выдать своего удивления осведомленностью воришки и ответил все с тем же спокойствием:

– Я точно не знаю, но вполне возможно.

– Это что ж такое ты натворил?! – усмехнулся конопатый.

Вотша молча пожал плечами.

– Верно, – согласился Выжига, – меньше знаешь, лучше спишь... Ну что ж, я обещал тебе помочь, значит, помогу, да и проблема не такая уж большая. До ночи побудешь здесь. – Он кивнул на дверь сарая. – Ребята тебя поберегут, а в начале часа Волчьей звезды я тебя провожу из города.

Он повернулся к продолжавшей молчать четверке:

– Вы меня поняли? Это тот самый парень, который повязал нас с Цедрой, а потом взял и отпустил!

Все четверо посмотрели на Вотшу, и в их глазах появилось уважение.

– Пошли, – Выжига кивнул на дверь сарая.

Однако, прежде чем следовать за конопатым вором, Вотша огляделся в поисках своего маленького провожатого. Извержонок отошел метров на пять, но не убежал, а с интересом наблюдал за развитием событий. Вотша жестом подозвал мальчишку и протянул ему монету:

– Держи свой заработок!

Но тот спрятал руки за спину и чуть смущенно пробормотал:

– Я же не знал, что ты... дикарь.

– А откуда ты знаешь это прозвище? – удивился Вотша.

– Цедра рассказывал... – Мальчишка улыбнулся.

Вотша покачал головой и снова протянул монету:

– Не важно, кто я, важно, что ты мне помог и, значит, заслужил обещанное вознаграждение! Держи!

Извержонок мгновенно выхватил монету, тут же спрятал ее в своих отрепьях и, крикнув: «Спасибо, дикарь!», – бросился к дальнему углу сарая. Видимо, там имелся подъем на крышу.

Вотша снова повернулся к Выжиге и устало произнес:

– Теперь пошли.

Конопатый провел его в дальний угол сарая, там он поднял замаскированный люк, и они спустились в подвал, где была оборудована вполне приличная комната с кроватью, столом и двумя стульями. Из стенного шкафчика Выжига достал холодное вареное мясо,

краюху хлеба и жбан с каким-то пахучим то ли травяным, то ли ягодным настоем. Положив снедь на стол, Выжига предложил:

– Подкрепимся?..

Только сейчас Вотша понял, насколько он голоден.

Но, как известно, за едой и разговор легче идет. Проглотив первые два-три куса, Вотша поднял глаза на своего нового друга и осторожно поинтересовался:

– А ты откуда знаешь, что многоликие кого-то ищут?

Выжига довольно ухмыльнулся.

– Я знаю все, что происходит в городе... – Тут он вдруг запнулся, неожиданно серьезным глазом посмотрел на своего гостя и поправился: – Я должен знать все, что происходит в городе! От этого, как ты сам понимаешь, зависит наша жизнь. А имея полную информацию о том, что здесь творится, можно прикидывать и то, как дальше действовать. Вчера ночью мне сообщили, что к Ловелю приехали трое многоликих, и не из соседних стай, а издалека... Из очень далекого далека. Такие дальние гости бывают нечасто, ведь для подобного путешествия должны быть очень важные причины. Естественно, меня это заинтересовало. Узнал я, правда, немного – двое из них, волк и рысь, с Востока. На Востоке, если ты не знаешь, порядки совсем не такие, как здесь, у нас. Там живут по старинке: князь у них – вожак, и его слово – закон! Изверги у них что скотина – многоликий прирежет, никто не чихнет!

– Можно подумать, что у вас в Ласте кто-то чихнет, если тебя завтра прирежет многоликий, – усмехнулся Вотша.

Выжига внимательно посмотрел на него и пожал плечами.

– Ты прав, чоха не будет... И все-таки у нас на Западе изверги живут посвободнее. Во всяком случае, из деревни в город смотаться удастся – стать самому себе хозяином, а на Востоке и городов-то нет!

– Это откуда ты такое взял?.. – удивился Вотша.

– Так это всем известно! – безапелляционно заявил Выжига. – На Востоке только деревни, там и князья живут в деревнях, причем не в домах, а в ямах, накрытых травой, которые они называют землянками. У них, видишь ли, деревья не растут, поэтому бревен и досок взять неоткуда, а кирпич из глины они делать не умеют! Там вообще дико живут – едят сырое мясо, огонь-то не на чем развести – дров нет, соль копают в земле – представляешь, какая это соль. Там только драться здорово умеют!.. Я ж тебя недаром восточным дикарем прозвал!

– А я действительно с Востока... – улыбнулся Вотша.

Выжига замер с недожеванным куском во рту, уставившись широко раскрытыми глазами на своего гостя. Через десяток секунд, проглотив этот кусок, он недоверчиво выдохнул:

– Да брось!

– Точно, – подтвердил Вотша, продолжая улыбаться. – Из города Край, столицы восточных волков. Большой город с огромным каменным княжеским замком...

– Слушай, – перебил его Выжига, – тогда получается, что многоликие действительно ищут тебя! В этой троице... ну, что в Ласт приехала, волк главный! И разыскивают они какого-то молодого изверга. Ловель уже дал разрешение на розыск в Ласте.

– Попробовал бы он не дать, – с горькой усмешкой прошептал Вотша.

– Слушай, Бамбарей, – быстро заговорил Выжига, но Вотша его перебил:

– Ты откуда мое имя знаешь?!

– Ну, какой это секрет, – усмехнулся конопатый. – После того как ты нас... отпустил, я Цедру послал обратно на постоянный двор, он через пять минут все, что можно было, о тебе узнал. Зовут тебя Бамбарей, приехал сегодня утром вместе с актерами дядюшки Прока! Это не секрет. Ты лучше скажи, если, конечно, можешь, что ты такого в этом самом Крае натворил, что многоликие за тобой по всему свету гоняются?!

Вотша аккуратно положил на стол недоеденный кусок хлеба, задумчиво посмотрел на Выжигу, помолчал, а затем неожиданно спросил:

– А кто третий?

– Какой – третий? – не понял конопатый.

– Третий многоликий. Ты сказал, что в Ласт приехали трое многоликих. Двое, волк и рысь, с Востока, а третий кто?..

– А-а-а... – протянул Выжига. – Третий вообще какая-то редкость, с Юга, из стаи каких-то ирбисов.

Вотша сгорбился на своем стуле и с тоской протянул:

– Юсут никак не успокоится!..

– Кто такой – Юсут?! – тут же встрепенулся Выжига.

– Княжич из стаи южных ирбисов, – все так же тоскливо ответил Вотша.

– Да что это за ирбисы такие и что они от тебя-то хотят?! – совсем уже нетерпеливо воскликнул Выжига.

– Ирбисы? – переспросил Вотша. – Ирбисы – это кошки, чуть поменьше тебя ростом с вот такими вот... – Он поднял сжатый кулак и отогнул мизинец, – ...клыками!

Выжига, приоткрыв от удивления рот, посмотрел на Вотшин мизинец и протянул:

– Солидный зверюга!..

– Мой прадед, – медленно, со странным тоскливым нажимом заговорил Вотша, – был знаменитым воином из стаи восточных волков, и его тогдашний князь лишил многоличья!..

– За что?! – изумленно выдохнул Выжига.

– Не знаю... – пожал плечами Вотша. – Но когда я был совсем маленький, меня увидел брат нашего князя, Ратмир, дважды посвященный волхв.

– Волхв – это кто?! – снова перебил Вотшу конопатый.

– У вас, на Западе, их называют друидами, – ответил Вотша.

Выжига понимающе кивнул, и Вотша продолжил свой рассказ:

– Видимо, Ратмир что-то рассказал князю Всеславу обо мне, и тот взял меня в свой замок... – Он чуть помолчал и грустно добавил: – Волки ко мне хорошо относились... Дядя Скал стал моим наставником, Старый учил меня владению оружием...

– Тебя учили владеть оружием?! – воскликнул Выжига. – Зачем?!

– Да я сам попросил... – Вотша неожиданно улыбнулся. – Это так красиво!.. – Он покачал головой и продолжил свой рассказ: – Князь Всеслав приставил ко мне учителей, меня учили чтению, письму и счету... И еще... я познакомился с дочерью князя, княжной Ладой... Она меня защитила от ирбиса... от Юсута!.. – Тут он надолго задумался и вдруг все с той же тоской добавил: – А потом я защитил ее от ирбиса... От Юсута!..

– Ты защитил княжну от ирбиса?! – недоверчиво переспросил Выжига. – Да как же ты мог защитить ее от... многоликого?! Как это возможно?!

– Около года назад в Край к Всеславу приехали вожаки окрестных стай. Гуляли, пировали, а когда пришло время разъезжаться, князь решил устроить прощальный пир. А перед пиром – воинскую потеху, бой мечников. Кто-то из гостей князя предложил перед этим боем провести поединки княжичей, живших и учившихся в княжеском замке, а дамой этого турнира стала Лада. Юсут – княжич из стаи южных ирбисов был самым сильным из всех гостивших в замке княжичей и, конечно же, рассчитывал на победу. Так и вышло. Лада должна была вручить победителю награду – меч, а Юсут начал требовать, чтобы дама турнира еще и поцеловала его... Тогда княжна выставила своего бойца – меня.

– Тебя?! – в очередной раз изумился Выжига.

– Она подглядела, как я занимался со Старым и Скалом, – пожал плечами Вотша.

– И ты дрался на мечах с многоликим?! – недоверчиво спросил Выжига.

– И победил его... – заявил Вотша. – Княжна вручила мне меч и... поцеловала меня!

Целую минуту Выжиги смотрел на Вотшу округлившимися от изумления глазами, а затем недоверчиво покачал головой.

– Дочь вожака стай поцеловала извержонка?.. Ну, ты ври, да не завирайся! Такого вообще никогда не может быть!

Однако Вотша не стал доказывать Выжиге свою правоту, вместо этого он просто закончил свой рассказ:

– Отец Юсута, вожак южных ирбисов, потребовал, чтобы Всеслав отдал меня ему, потому что я вроде бы опозорил его сына. Но Всеслав решил заточить меня в подземелье своего замка... Навсегда!.. Вот тогда я и сбежал. В ту же ночь, в то время как меня уже искали...

Он помолчал несколько секунд, а затем едва слышно поинтересовался:

– Ну, и как ты считаешь, достоин я того, чтобы многоликие охотились за мной по всему Миру?!

Выжиги оторвал от краюшки кусочек хлебного мякиша, покатав его между пальцами, кинул в рот, задумчиво прожевал, а потом, взглянув в глаза Вотше, ответил:

– Вполне!.. Если то, что ты рассказал, – правда!..

– А зачем мне тебе врать? – пожал плечами Вотша.

– Врать тебе действительно вроде бы незачем... – протянул Выжиги и после секундной паузы поднялся с места. – Ладно, я пойду, попробую поточнее разузнать, что собираются делать многоликие, а ты здесь... отдохни. И не волнуйся, ночью я выведу тебя за городскую стену, а уж там ты сам думай.

После того как Выжиги выбрался из подвала и прикрыл за собой крышку, Вотша вдруг почувствовал, что смертельно устал. И виной этому было совсем не то, что ночью он почти не спал, что ему пришлось разгружать повозку и таскать вещи трупы, – это был результат того психологического напряжения, которое обрушилось на него, когда он узнал, что его разыскивают многоликие. Он улегся на кровать, не сомневаясь, что заснуть ему не удастся, но... заснул, почти сразу и беспробудно, словно его сознание рухнуло в бездонную черную яму. Он не видел снов, не ощущал окружающего мира, он для этого мира почти умер!

Вернувшийся к вечеру Выжиги долго тряс Вотшу за плечо, пока тот не вынырнул из беспробудного сна и не разлепил веки. Увидев, что его гость наконец-то проснулся, конопатый воришка отошел к столу и с уважением проговорил:

– Ну, у тебя и нервы!.. Если бы меня разыскивали трое многоликих, я бы глаз не мог сомкнуть, а ты дрыхнешь, словно это не твои проблемы.

– Ты лучше скажи, – перебил его Вотша, садясь на постели, – удалось ли тебе узнать еще что-нибудь о тех трех многоликих?

– Значит, так, – начал рассказывать Выжиги, присаживаясь за стол, – они действительно ищут молодого изверга, грамотного, знающего наречия нескольких, в том числе и западных, стай. Вот только ищут они его без... злости, без остервенения... Доброжелательно ищут...

– Что значит – доброжелательно? – не понял Вотша.

– То и значит, что если они его найдут, зарежут не сразу, – усмехнулся Выжиги. – А может быть, и совсем резать не будут. Так что ты, Бамбарей, подумай, может быть, тебе просто сдаться?..

Вотша отрицательно покачал головой и раздумчиво ответил:

– Нет, Выжиги, добра мне от многоликих ждать не приходится, особенно от южных ирбисов. Либо прикончат, либо в подземелье бросят.

– Смотри, – пожал плечами Выжиги, – дело твое...

– Какое время на дворе? – спросил Вотша.

Конопатый почесал нос и подмигнул своему гостю:

– Скоро отправимся, час Вепря кончается!

– Та-а-а-к!.. – протянул Вотша. – Я тебе не говорил... Прежде чем уходить из города, мне надо наведаться на постоянный двор...

– Зачем?! – насторожился Выжига.

– Забрать кое-что...

– Откуда забрать?! – еще больше насторожился Выжига.

– Меч у меня под дном нашей повозки спрятан! – после секундной паузы признался Вотша. – Тот самый, что мне после победы над Юсутом Лада вручила!

Выжига присвистнул, а затем проговорил с легким упреком:

– Что ж ты мне раньше-то не сказал, я бы его днем вытащил и сюда принес!

– Да?... – усмехнулся Вотша. – И как бы ты с такой вещью через город шел?!

– А это не твое дело! – усмехнулся в ответ Выжига. – Я и не такие... вещи через весь город таскал.

Вотша почесал затылок и, почти извиняясь, проговорил:

– Может, ты и прав, да только сейчас что об этом толковать.

Выжига согласно кивнул и сосредоточенно спросил:

– Есть будешь?

Вотша отрицательно помотал головой:

– Дела надо делать натошак.

И снова Выжига одобрительно кивнул.

– Тогда пошли?..

– Пошли!

Они выбрались из подвала, пересекли сарай и вышли во двор, в ночь, в темень часа Волчьей звезды.

Выжига вел Вотшу совсем не тем путем, каким его привел к воровскому притону маленький оборвыш. Они бесшумно скользили меж стен спящих домов, узкими кривыми переулками, превращавшимися порой в странные, страшные, слепые щели, погруженные в вечную, неизбывную темень! И когда Вотша уже совсем потерял способность определить направление движения, Выжига вдруг остановился и, взяв его за руку, зашептал:

– За этим забором тот самый двор, где ты нас с Цедрой повязал. – Вотша не видел никакого забора в накрывшей их крошечной тьме, но не перебивал своего проводника. – Заберешь свой меч и сразу обратно, нам надо успеть уйти из города до смены караула на стенах.

Вотша машинально кивнул, хотя понимал, что его кивка никто не увидит.

Между тем Выжига отпустил его руку, чуть слышно побряхтел, и вдруг перед Вотшей открылась неширокая светлая щель.

– Давай! – скомандовал конопатый вор.

Вотша быстро протиснулся в эту щель и огляделся. Он находился рядом с новой конюшней постоянного двора «У трех ослов». Двор, после тех проулков, которыми прошел Вотша, казался ярко освещенным. Находившаяся в последней четверти луна и усыпанное звездами небо заливали его мягким, чуть туманным светом, словно приглашая Вотшу прогуляться через двор к стоявшему в противоположном углу сарая, где стояла повозка трупы, волы и лошадь дядюшки Прока. Однако Вотша двинулся в обход, прячась в тени высокого забора и оглядывая пустой притихший двор, обставленный темными стенами спящих строений. И только одно окно светилось в этом дворе – крайнее справа в первом этаже главного трехэтажного здания.

Через пять минут Вотша оказался в небольшом ветхом сарае, отведенном хозяином постоянного двора, достопочтенным Морлом для животных и повозки бродячей трупы. Нырнув под повозку, Вотша протянул руку к крышке потайного ящика и... похолодел – крышка была открыта, а внутри ящика было пусто! Меч исчез!!!

Минуту он лежал навзничь совершенно неподвижно, и в его голове было пусто, а в груди холодно и горько. А затем сознание его прояснилось. Он выполз из-под повозки и, усевшись рядом с ней на соломе, задумался.

«Меч пропал! О том, где он был спрятан, знали только дядюшка Прок и Эрих, – но думать, что взял клинок кто-то из них, не хотелось. – Можно было бы, конечно, пробраться к дядюшке Проку и спросить, но времени на это не было – за забором его ждал Выжига, и если он не воспользуется его помощью, то завтра наверняка будет в руках многоликих, которые охотятся за ним. Учитывая, что среди них есть южный ирбис, он, скорее всего, не доедет до Края! Значит, надо уходить из города, притаиться где-нибудь поблизости и, после того как многоликие обыщут Ласт и уедут, снова вернуться в труппу и расспросить дядюшку Прока... Может быть, он просто перепрятал опасную для всех них вещь!..»

Эта мысль взбудрила Вотшу – ну, конечно, дядюшка Прок, зная, что Вотшу ищут многоликие, просто перепрятал меч – вещь невозможную для извергов! Так что надо уходить из города.

Вотша вскочил на ноги и осторожно двинулся к выходу из сарая.

Времени, после того как он проник в сарай, прошло совсем немного, однако ночное небо сильно изменилось. Ущербная луна склонилась к горизонту, а над противоположным краем земли встала оранжевая искра Волчьей звезды.

Вотша нырнул в тень, отбрасываемую забором, проскользнул вдоль него к зданию новой конюшни и снова оглядел освещенный звездами двор. Его взгляд остановился на светящемся прямоугольнике окна. И вдруг ему стало интересно: кто не спит в такой поздний час, чем это можно сейчас заниматься? Он секунду помедлил, а затем снова вернулся к старой сараюшке, где стояла актерская повозка, и оттуда перебежал к стене постоянного двора. Обогнув угол дома, он оказался совсем рядом со светящимся окном. Через секунду он поднырнул под него, перевел дух, а затем, осторожно выпрямившись, заглянул в светлый прямоугольник... И остолбенел!

Его глазам открылась жуткая картина.

В небольшой комнате практически не было мебели, только под самым окном стоял старый обшарпанный столик. На этом столике лежала маленькая Элио. Девочка была обнажена, а ее раскинутые руки и ноги удерживались петлями ремня, протянутого под столешницей. На край того же стола, рядом с Элио, спиной к окну присел темноволосый мужчина, правое запястье которого охватывала кожаная петля рукоятки тяжелой длинной плети. В правом дальнем углу комнаты валялось окровавленное, истерзанное тело, в котором Вотша с трудом узнал Эриха, а рядом с ним, привалясь к стене и опустив голову на грудь, сидел обнаженный до пояса дядюшка Прок. В левом углу, прижавшись друг к другу, с расширенными от ужаса глазами сидели Вероза и тетушка Мармела. От стены к стене, между столиком и актерами, скаля клыки и посверкивая желтыми глазами, прохаживался здоровенный, дымчато-серый с темными пятнами зверь, в котором Вотша сразу узнал ирбиса. В комнате звучал спокойный, размеренный мужской голос, но Вотша, пораженный увиденным, не сразу сообразил, что говорит сидящий рядом с Элио многоликий. Однако постепенно смысл этой речи стал доходить до него:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.